РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 6. 6-го Февраля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА":
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ **5** р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ **5** р. **50** к. | Безъ достав. въ Москвѣ **5** р. **25** к. | Съ пересылкой по всей Россіи **6** р. | За границу **10** р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ **3** р., за 3 мѣсяца **1** р. **50** к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) **50** к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ **2** р., 1-го марта—**1** р., 1-го іюня—**1** р., 1-го августа—**1** р. и 1-го сентября—**1** р.

Покорность.

(Письмо солдата изъ госпиталя.)

За Шахэ берегами,
Не жалѣя себя,
Мы дрались съ врагами,
Русь родную любя.

Рвутся тучи шрапнели,
Взрывы очи темнятъ...
Имъ на смѣну запѣли
Сотни злобныхъ гранатъ.

Потрясая штыками,
Насѣдалъ ярый врагъ...
Мы укрыли тѣлами
Весь подбрежный оврагъ!

Отступить—отступили,
Вышелъ, значитъ, приказъ...
Крови меньше пролили
Мы, чѣмъ слезъ, въ этотъ разъ.

Приходилося жутко
Въ отступленіи томъ,
Показалась минутка
Не минуткой—годкомъ:

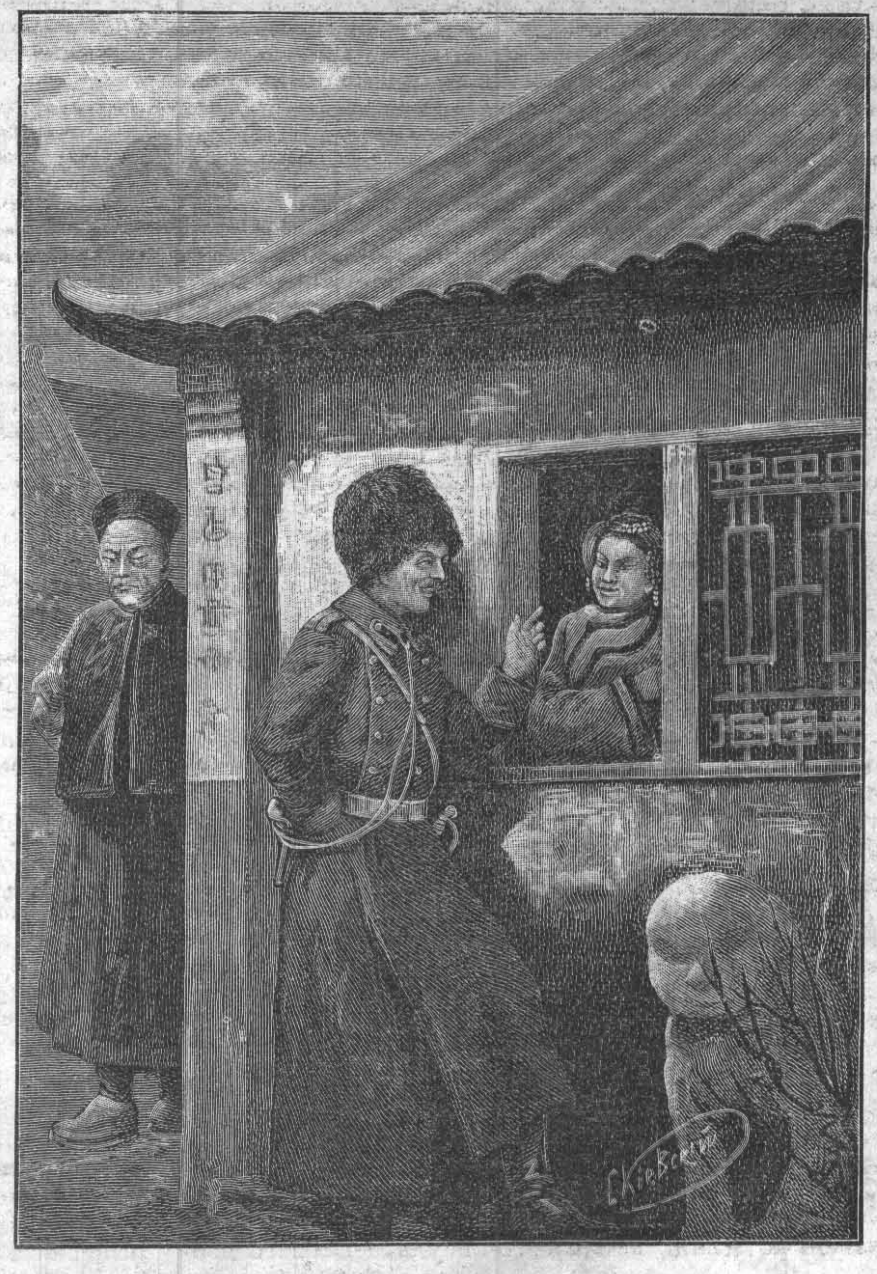
Что ни шагъ, то преграда—
Чуть пробились къ своимъ;
И изъ этого ада
Вышелъ я невредимъ!

Не затронула пуля,
Пощадила шрапнель,
Но меня, карауля,
Уложилъ тифъ въ постель.

Докторъ баилъ сестрицѣ,
Что надежда слаба,
Не въ родной спать землицѣ,
Знать, судила судьба.

Не рыдайте, дорога
Въ землю мнѣ суждена,—
Всемогущаго Бога
Въ этомъ воля видна!

Н. Кононовъ.



РЕВНИВЕЦЪ. Оригин. рисун. **С. Животовскаго.**

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Ѣ. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

ПРЕДЛОЖЕНІЕ было настолько выгодное, что Антонъ Тихоновичъ, конечно, посовѣтывалъ отдать эти деньги.

— За княземъ онѣ не пропадутъ, при его страшномъ богатствѣ ему наши деньги—гроши.

Года черезъ два-три послѣ этого уплата процентовъ начала затягиваться, а затѣмъ вдругъ Заваловы очутились совершенно безъ гроша и поневолѣ переѣхали въ Москву поближе къ князю.

Князь кое-что уплатилъ и продолжалъ платить, но маленькими подачками, и, наконецъ, однажды предложилъ Аннѣ Тихоновнѣ вмѣстѣ съ братомъ и мальчикомъ поселиться у него, но не въ качествѣ нахлѣбниковъ, а въ качествѣ какъ-бы родственниковъ.

Заваловъ былъ, конечно, противъ того, чтобы идти въ положеніе нахлѣбниковъ или приживальщиковъ.

— Лучше,—говорилъ онъ,—получать свои деньги и жить гдѣ и какъ угодно.

Но прошло нѣкоторое время, и тотъ-же Заваловъ увидѣлъ, что исхода нѣтъ. Онъ узналъ кое-что о дѣлахъ князя, узналъ, что самъ поступилъ крайне опрометчиво, посовѣтывавъ сестрѣ дать князю свои деньги. Оставалось только одно—или нуждаться, получая отъ князя мелкія разновременныя подачки, или-же спокойно жить у него. Серьезно обсудивъ вопросъ, Заваловы рѣшились и переѣхали къ Ягузинскому.

Теперь, разумѣется, они считались, хотя и главными, ближайшими къ князю, но все-таки нахлѣбниками. Князь продолжалъ уплачивать проценты съ капитала, но крайне неаккуратно и много меньше того, что-бы долженъ былъ платить. И понемногу у Заваловыхъ накопилось за нимъ много, и теперь при окончательномъ расчетѣ князю пришлось-бы уже уплатить крупный капиталъ. Но надежды на полученіе этого капитала у Заваловыхъ, конечно, не было никакой.

Когда заходила объ этомъ рѣчь между Анной Тихоновной и княгиней, то Елизавета Петровна каждый разъ полушутя отвѣчала все то-же самое:

— Такой красивый и добрый малый, какъ Никуша, можетъ всякій день жениться на богатой дѣвушкѣ-дворянкѣ и сдѣлаться настолько богатымъ, что ему и не понадобятся его деньги.

Но на это Анна Тихоновна только вздыхала. Была тому причина. Княгиня находила, что эта причина пустяшная, вздорная, а Анна Тихоновна находила, что причина важная, обстоятельство, которое не обойдешь и не объѣдешь, а именно, происхожденіе Никуши.

Княгиня увѣряла, что онъ, какъ побочный сынъ князя Ягузинскаго, даже носящій обычную по времени такую-же, но сокращенную фамилію, легче и скорѣе женится. Всякое дворянское семейство будетъ знать, что онъ по крови, собственно, князь Ягузинскій.

Анна Тихоновна, напротивъ, думала, что если-бы ея Никуша, какъ и она сама, былъ въ другомъ положеніи, то было-бы лучше. Она, будучи дѣвицей и матерью, должна быть неминуемо помѣхой для женитьбы сына.

Братъ ея былъ такого-же мнѣнія. Онъ говорилъ:

— Никуша можетъ жениться очень хорошо, но только на дѣвицѣ изъ какого-нибудь неважнаго дворянскаго рода, а изъ важныхъ московскихъ никто за него своей дочери не отдастъ. Какъ ни верти, а все-таки онъ — не прямой, а боковой сынъ; а боковой сынъ, хоть у какого ни на есть короля или принца, — все-таки ни то, ни се, ни пава, ни ворона. Если княгиня такъ разсуждаетъ, то почему-же Никуша называетъ ее княгиней да Елизаветой Петровной, а князя зоветъ Андреемъ Григорьевичемъ. Уже если они такъ располагаютъ, такъ на себѣ примѣръ показали-бы, разрѣшили-бы ему звать себя дядюшкой и тетушкой. Анъ, нѣтъ, — это, видишь, срамно, неподходящее дѣло. Скрывать они ничего не скрываютъ, но и объявлять не объявляютъ.

Въ этомъ Антонъ Тихоновичъ былъ совершенно правъ. Князь и княгиня не скрывали предъ своими знакомыми, что Никуша — сынъ покойнаго Григорія Григорьевича, признавали, что Никуша поразительно похожъ на князя Андрея Григорьевича, какъ можетъ только рѣдко сынъ на отца походить, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, князь, конечно, никогда не согласился-бы, чтобы Никуша Узинскій называлъ его при всѣхъ дядей.

Однажды мнѣніе Завалова, что происхожденіе племянника незаконное и побочное можетъ помѣшать браку, который былъ-бы желателенъ, оказалось совершенно основательнымъ.

Кроткій, тихій и чрезвычайно скромный Никуша прельстился дочерью дворянъ Небольсиныхъ. Молодая дѣвушка, видавшая его часто, такъ какъ домъ князя и домъ Небольсиныхъ были наискось на одной и той-же улицѣ, тоже прельстилась Никушей.

Единственная дочь, любимица и баловень, она дѣлала въ домѣ, что хотѣла, и, какъ говорили, крутила матерью и веревочки вила изъ отца. Казалось-бы, при этихъ условіяхъ она могла выйти замужъ за молодого Узинскаго легко и свободно. Однако, любившіе ее родители пришли въ ужасъ, когда дѣло раскрылось. Они позволяли любимому дѣтищу все на свѣтѣ, исполняли всѣ ея прихоти, самыя невозможныя и глупыя, но увидѣть ее г-жей Узинской, женою незаконнорожденнаго дворянскаго сына, было невозможно.

Мысль о женитьбѣ Никуши на Небольсиной почему-то понравилась князю — вѣроятно, по какимъ-либо его тайнымъ соображеніямъ, — и поэтому онъ самъ вмѣшался въ дѣло и хлопоталъ настолько, что, какъ говорится, изъ кожи лѣзъ. Однако, и его вмѣшательство не привело ни къ чему. Небольсины отказывались наотрѣзъ и, наконецъ, когда дѣло это затянулось на нѣсколько мѣсяцевъ, они стали опасаться, что ихъ избалованная дочь пойдетъ на какую-нибудь глупую выходку. Они боялись, что дѣвушка рѣшится очертя голову на то, что называется самокруткой, т. е., повѣнчается съ Узинскимъ безъ благословенія родителей.

Это было очень возможно, главнымъ образомъ, потому, что сообщникомъ молодыхъ людей могъ-бы быть важный московскій обыватель, князь Ягузинскій. Князь могъ, какъ никто, заплатить дорого какому-нибудь подмосковному попу, а затѣмъ слетать въ Петербургъ и хлопотать за побочнаго племянника.

И семья Небольсиныхъ вдругъ скрылась изъ собственнаго дома и изъ Москвы. Отъѣздъ былъ приготовленъ такъ хитро и скрытно, что въ домѣ князя узнали объ исчезновеніи невѣсты Никуши съ родителями только ввечеру слѣдующаго дня.

— Ну, вотъ,—сказалъ тогда Заваловъ.— Поди-ка ты къ княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ да спроси-ка ты у нея, поможетъ-ли отличному и безпримѣрному бракосочетанію то обстоятельство, что Никуша — побочный княжій сынъ.

Анна Тихоновна, все время сильно волновавшаяся, такъ какъ Никуша ея ходилъ печальный, къ великой своей радости, узнала отъ него, что онъ, собственно, не считаетъ себя совсѣмъ несчастнымъ.

— Не смущайтесь, матушка! — говорилъ онъ.— Я, по правдѣ сказать, и самъ не знаю... Полюбилась она мнѣ шибко, а вотъ когда теперь уѣхала и я знаю, что ничего изъ этого не выйдетъ, то съ меня какъ-то ужъ и спало все. Печаловаться я самъ не буду. Мало-ли дѣвицъ на свѣтѣ такихъ-же, какъ она, а есть много и покрасивѣе. Да, по мнѣ, все равно на комъ жениться, лишь-бы только была добрая... А пуще всего была-бы она тебѣ, матушка, покорна и тебя уважала, это — первое дѣло. Пусть тебя любитъ и уважаетъ больше, чѣмъ меня. Да пропади пропадомъ всѣ дѣвицы, лишь-бы ты была жива и здорова, и счастлива и около меня.

Однако, этотъ случай и извѣстнаго рода борьба съ Небольсиными остались въ памяти самого Андрея Григорьевича и онъ изрѣдка говорилъ женѣ:

— Надо непремѣнно Никушу женить на богатой дѣвицѣ. И стараться надо объ этомъ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо зорко глядѣть, чтобы онъ не влюбился въ какую бѣдную. Соберется жениться на эдакой, мать ничего съ нимъ не подѣлаетъ. Гдѣ ей, при ея обожаніи. А Заваловъ тоже чудакъ, скажетъ: зачѣмъ, почему не жениться на бѣдной, коли свои деньги есть. А свои-то деньги гдѣ? У нихъ онѣ, что-ли? Онѣ невѣдомо гдѣ. Были-то у меня въ карманѣ, а теперь, въ чьемъ карманѣ, и самъ не знаю. А по бумагѣ-то, данной мной, выплачивать надо. Вотъ онъ не нынче-завтра соблазнится какой-нибудь безприданницей, женится, а я за это платись.

Княгиня молчала, какъ обыкновенно, и лишь изрѣдка повторяла ту-же фразу.

— Бумага твоя, сказывалъ Миничъ, ни къ чему не годна.

И князь каждый разъ отвѣчалъ на это одними и тѣми-же словами:

— Миничъ сказываетъ—не годная, а князь Андрей Ягузинскій сказываетъ, что годная, потому что Миничъ—все-таки мошенникъ и подлецъ, а князь Ягузинскій таковымъ никогда не былъ и не будетъ.

XII.

Верстахъ въ двадцати отъ Калуги, на высокомъ берегу рѣки Угры, расположилась большая богатая усадьба, а рядомъ съ ней село. Это была вотчина дворянина Зорича. Барскій домъ, надворныя строенія, а затѣмъ всякія хозяйственныя заведенія,— все было новое, какъ говорится, съ иголочки. Вотчина называлась „Новоселье“.

Не болѣе сорока лѣтъ назадъ богатый воронежскій дворянинъ и помѣщикъ купилъ большое количество земли и выстроилъ себѣ новую усадьбу на пустомъ мѣстѣ. Поэтому и густой садъ, который примыкалъ къ барскому дому, былъ не старинный, не съ вѣковыми деревьями, не со столѣтними аллеями.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ барскомъ домѣ жили старикъ за семьдесятъ лѣтъ, съ нимъ его сынъ, невѣстка, двое дѣтей и большое количество приживальщиковъ.

Лѣтъ за пять назадъ пожилой сынъ старика внезапно умеръ. Вскорѣ-же за нимъ послѣдовала и его жена, а затѣмъ, спустя два года, умеръ отъ дѣтской болѣзни маленькій десятилѣтній мальчикъ, къ великому горю старика, лишившагося продолжателя своего рода. И въ домѣ остались лишь онъ, старикъ на восьмомъ десяткѣ лѣтъ, и внучка-подростокъ.

Теперь во всемъ домѣ замѣчалось особенное оживленіе, но не веселое, а какая-то озабоченная суетня. Всѣ лица были озабочены. Изъ села въ усадьбу постоянно ходили крестьяне, бабы, толклись во дворѣ, входили въ домъ, а затѣмъ снова возвращались по дворамъ.

Наканунѣ вечеромъ, внезапно, хотя тихо и мирно, умеръ, сидя въ креслѣ, старый баринъ, Петръ Павловичъ.

И въ домѣ, гдѣ еще не такъ давно было пятеро членовъ семьи, теперь оставалась одна владѣлица, барышня Маріанна Павловна, которой было лишь семнадцать лѣтъ. И усадьба съ кучей дворни, и село, гдѣ было свыше ста душъ, волновались по двумъ причинамъ: отчасти вслѣдствіе смерти добраго помѣщика Петра Павловича, а, главнымъ образомъ, потому, что ходили самые странные слухи. Увѣряли, что молодая барышня не будетъ настоящей владѣлицей, пока не подростетъ совсѣмъ. Самые старые дворовые первые заявили о своемъ соображеніи, что барышня ими управлять не будетъ.

Этотъ слухъ перешелъ въ село, и крестьяне уже разсказывали другъ другу, что барышня Маріанна Павловна, хотя и дочь покойнаго Павла Петровича, и внучка нынѣ скончавшагося Петра Павловича, совсѣмъ не наслѣдница, а что вся вотчина перейдетъ въ чьи-то чужія руки.

— Господи, батюшки! Чьи-же мы теперь будемъ?— восклицали повсюду.

Этотъ вопросъ былъ, конечно, въ высшей степени важенъ. „Чьими быть?“ Отъ этого зависѣло все: счастье или несчастье всей жизни.

Въ долгіе годы добрый старикъ Петръ Павловичъ, еще болѣе добрый молодой баринъ, какъ звали его сына, Павла Петровича, несмотря на его пятьдесятъ лѣтъ, пріучили крѣпостныхъ не только къ справедливому, но и къ крайне ласковому обращенію. Кругомъ всѣ крѣпостные терпѣли всякія невзгоды, а въ „Новосельѣ“ всѣмъ жилось мирно и счастливо.

Помышляя о томъ, что баринъ старъ настолько, что можетъ умереть всякій день, и крестьяне, и дворовые утѣшались мыслью, что барышня Маріанна Павловна уродилась въ отца и дѣда — тихенькая, добренькая, ласковая.

— Да мудрено и быть въ ея годы злой. Развѣ когда будетъ совсѣмъ большая, то перемѣнится нравомъ, — разсуждали крестьяне.

И вотъ теперь невѣдомо почему возникшій слухъ смутилъ всѣхъ. Кто поумнѣе, тотъ разсуждалъ и объяснялъ, что у барышни-владѣлицы будутъ опекуны, которые всѣмъ и будутъ заправлять. Кто поглупѣе, сталъ увѣрять, что она совсѣмъ останется въ сторонѣ и все достанется какому-нибудь дальнему родственнику стараго барина.

А кому? Родственниковъ у Зоричей, въ особенности дальнихъ, было много. И вотъ къ кому попадешь? Можно вдругъ очутиться крѣпостными какого-нибудь прямо-таки людоѣда.

И вотъ именно вслѣдствіе исключительнаго обстоятельства и была какая-то особенная суетня во всемъ домѣ, а вмѣстѣ съ ней шла какая-то неурядица даже въ мелочахъ.

Дворецкій распоряжался по своей части, но нерѣшительно. Главный управляющій, отъ котораго зависѣли и усадьба, а вмѣстѣ съ ней и село, тоже какъ-бы избѣгалъ приказывать. При всякомъ возникавшемъ вопросѣ всѣ ссылались на барышню и шли къ ней за указаніемъ.

Барышня Маріанна Павловна, проснувшись среди ночи отъ бѣготни, узнала отъ своей нянюшки Патрикѣевны, что дѣдушка скончался.

— Сирота ты теперь круглая, Мариночка, — заявила нянюшка и начала причитать и всхлипывать.

Разумѣется, разбуженная этимъ извѣстіемъ Мариночка только страшно перепугалась, сильно перемѣнилась въ лицѣ и дрожала всѣмъ тѣломъ.

Когда старуха-няня, объявивъ новость, собралась выходить изъ комнаты, Мариночка вскрикнула и, выскочивъ въ одной сорочкѣ изъ постели, бросилась за няней. Повиснувъ у нея на шеѣ, она заплакала и закричала:

— Не уходи, не уходи! Боюсь!..

— Чего ты? глупая! — отозвалась Патрикѣевна.

— Боюсь, боюсь! Не уходи!

— Да чего? Ужъ не дѣдушки-ли родного? Богъ съ тобой!

нину Данилову. Часа черезъ два Даниловъ былъ уже въ „Новосельѣ“ и отрядилъ гонца въ Москву къ князю Ягузинскому. Затѣмъ явился священникъ, и началась первая панихида.

Сначала батюшка и причтъ медлили и будто ждали чего-то, все поглядывая на дверь въ гостиную. Но явилась Патрикѣевна, сказала что-то Данилову и затѣмъ священнику, и панихида началась. Залъ переполнился дворней и нѣсколькими крестьянами.

Нянюшка заявила, что ея барышня такъ огорчена, что не можетъ встать съ постели и будетъ только на второй панихидѣ.

Въ дѣйствительности Мариночка на предложеніе няни идти на панихиду въ залъ не хотѣла одѣваться и только кричала: „Боюсь, боюсь!“. Когда Патрикѣевна

РЫБАЧКИ ВЪ ОЖИДАНІИ РОДНЫХЪ СЪ ПРОМЫСЛА. Съ картины **Э. Аданъ.**

— Боюсь, боюсь! — кричала Мариночка и такъ стиснула шею няни, что Патрикѣевна задохнулась.

Однако, старуха, будучи умной, тотчасъ-же сообразила, что „дѣло простое и понятное. Всегда бываетъ такъ, что „робенокъ“ боится покойника — будь хоть отецъ или мать родные“.

Патрикѣевна вызвала изъ дѣвичьей двухъ горничныхъ и велѣла имъ сѣсть въ спальнѣ у Мариночки, не отлучаясь, покуда совсѣмъ не разсвѣтетъ. Сама-же старуха пошла внизъ хлопотать.

Около девяти часовъ утра тѣло скончавшагося барина уже одѣли, предварительно обмывъ на полу на соломѣ, какъ подобаетъ по христіанскому обычаю, затѣмъ перенесли и положили на тотъ столъ, гдѣ еще наканунѣ, часовъ въ восемь, баринъ ужиналъ вмѣстѣ съ внучкой. Одновременно верховой былъ посланъ къ сосѣду и другу покойника, дворя-

собралась ее одѣть насильно, Мариночка отбивалась такъ, какъ если-бы ее хотѣли рѣзать. И волей-неволей старуха должна была согласиться, чтобы ея питомица осталась у себя наверху, покуда не привыкнетъ.

Между тѣмъ, послѣ этой панихиды и управляющій, и дворецкій, и люди, всѣ поочереди, являлись за приказаніями и всякими указаніями то по имѣнію, то по дому, то вообще по хозяйству. Нянюшка докладывала барышнѣ, но Мариночка только отмахивалась руками и отвѣчала:

— Не знаю. Я-то что-же? Оставь меня.

Патрикѣевна напрасно всячески увѣщевала свое дѣтище. Она объясняла, что теперь Мариночка — сама главная владѣлица и что все отъ нея зависитъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, покуда не произойдетъ какая-либо перемѣна, и что она обязана приказывать.

Но молоденькая дѣвушка принималась горько плакать, махать руками и повторяла: „Оставь! не знаю“.

И старухѣ-нянѣ пришлось кое-что брать на себя, объявляя, что барышня такъ приказала. Во многомъ старуха тоже смущалась и говорила правду:

— Барышня ничего приказывать не хочетъ, а я тоже не знаю; какъ хотите, такъ и дѣлайте.

Вслѣдствіе этого къ вечеру того-же дня въ усадьбѣ все пришло въ какой-то разбродъ.

Первымъ послѣдствіемъ сумятицы было то, что въ два часа, время обѣда, столъ не былъ накрытъ, такъ какъ буфетчикъ не зналъ, гдѣ его накрывать, не зналъ, будетъ-ли барышня кушать одна, или съ приживающими въ домѣ. А затѣмъ, когда онъ рѣшился и накрылъ столъ въ сосѣдней большой гости-

БОСНІЙСКАЯ КОФЕЙНЯ ВЪ СЕРАЕВѢ. Съ картины **Ф. Рубена.**

ной, то оказалось, что никакого обѣда нѣтъ. Главный поваръ послѣ первой-же панихиды напился мертво пьянъ и лежалъ, какъ мѣшокъ, въ своей комнатѣ, а поварята ничего не приготовили, ожидая, что онъ проспится. Только часу въ пятомъ Мариночкѣ принесли какія-то два блюда и она съ жадностью покушала.

Въ то-же время приживающіе въ домѣ питались у себя въ квартирахъ, чѣмъ попало. Они были еще болѣе смущены, нежели дворня или крестьяне села. Ихъ судьба уже окончательно измѣнялась. Тѣ всѣ будутъ попрежнему крѣпостными рабами какого-либо новаго владѣльца, если, дѣйствительно, молоденькая барышня не унаслѣдуетъ, а они сами ужъ во всякомъ случаѣ улетятъ изъ усадьбы. Приживать около молоденькой барышни, почти дѣвочки, полагалось по времени неумѣстнымъ, не было въ обычаѣ. А новый владѣлецъ, если таковой окажется, ужъ, конечно, всѣхъ разгонитъ тотчасъ-же и наберетъ своихъ собственныхъ приживальщиковъ и своихъ собственныхъ нахлѣбниковъ.

Когда наступило время второй панихиды и Патрикѣевна заявила объ этомъ дѣвушкѣ, Мариночка стала еще отчаяннѣе плакать и отказываться идти внизъ. Старуха не знала, что дѣлать.

— Вѣдь, это, голубонька, срамота на всю округу, да и грѣхъ великій предъ Богомъ. Ну, Господь-то проститъ, а люди-то что-же скажутъ? Узнаютъ, что ты все сидишь у себя и не хочешь помолиться о душенькѣ дѣдушки, шумъ пойдетъ. Никто не повѣритъ. И такъ-то всякое говорятъ удивительное про тебя, а тутъ еще пуще будетъ.

— Не пойду ни за что. Не пойду! Боюсь! — отвѣчала дѣвушка.

Старуха снова принялась увѣщевать питомицу на всѣ лады, но точно такъ-же безуспѣшно, какъ и поутру.

— И я-то боюсь, скажу. Только не дѣдушки боюсь, а боюсь того, что выйдетъ. И такъ, говорю тебѣ, много удивительнаго болтаютъ, а ты вотъ тутъ сидишь и ничего не знаешь. Да знаешь-ли ты, глупая голова, что болтаютъ?

— Не знаю, мнѣ все-равно,—отвѣчала Мариночка.

— Говорятъ, что не ты владѣлицей будешь, не ты наслѣдницей, а кто-то другой. Баринъ Алексѣй Алексѣевичъ ужъ послалъ гонца къ какому-то князю въ Москву, а зачѣмъ все это—помалкиваетъ и никому не сказываетъ. Вотъ этотъ князь насъ отсюда вонъ и турнетъ.

— Ну, и Богъ съ нимъ! Тѣмъ лучше, — отозвалась дѣвушка.

— Ну, вотъ и видно, робенокъ глупый. Что-же, мы съ тобой по міру пойдемъ, что-ли?

— Ну, что-же, няня, и по міру пойдемъ.

— Да ты знаешь-ли, глупая, что значитъ по міру ходить?

— Не знаю.

— Ну, вотъ то-то, „не знаю“. Будемъ мы съ тобой безъ хлѣба сидѣть или попадемъ въ нахлѣбники. Ты-то, дѣйствительно, пристроишься, а меня-то прогонятъ. Ты одна останешься, а я-то пойду скитаться по свѣту.

— Ни за что не дамъ я это сдѣлать! — закричала дѣвушка и, бросившись къ старухѣ, обняла ее и стала цѣловать. — Не дамъ, не дамъ!

— Никто тебя не послушаетъ. А вотъ теперь узнаютъ люди въ самомъ городѣ, что ты даже на панихиду не приходила, и, пожалуй, еще того хуже будетъ. Скажутъ, какая-же это внучка: дѣдушка скончался, а она Богу молиться о немъ не хочетъ. Иди, что-ли, одѣвайся.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! — вскрикнула Мариночка, — боюсь я его.

— Стало, не любила.

— Любила, но боюсь.

— Да чего боишься-то?

— Не знаю, боюсь.

Патрикѣевна подумала, развела руками и затѣмъ вдругъ хитрая мысль озарила ея старую голову:

— Вотъ что, родная моя. Ради Создателя, коли ты только меня любишь, пойдемъ вмѣстѣ. Станемъ мы въ самомъ уголку, отъ стола далече, а ты, какъ войдешь, глазки зажмурь, да такъ и стой, или гляди себѣ подъ ноги. Ты дѣдушки-то и не увидишь. Поняла?

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что! — вскрикнула Мариночка такимъ голосомъ, какъ если-бы ей предложили что-нибудь еще болѣе ужасное.

И черезъ нѣсколько мгновеній она сама объяснила то, что почувствовала:

— Эдакъ, Патрикѣевна, еще страшнѣй, ничего не видѣть.

— Ну, здравствуйте! — отозвалась старуха.

— Ей-Богу! Эдакъ еще страшнѣй. И глядѣть страшно, а стоять, да не глядѣть, еще страшнѣй.

— Ну, что-же тутъ будешь дѣлать? — рѣшила старуха и глубоко вздохнула, какъ-будто погибель ея любимой питомицы была дѣломъ рѣшеннымъ. — Пріѣдетъ вотъ онъ, какой невѣдомый, и выгонитъ насъ съ тобой отсюда, и первымъ дѣломъ скажетъ: „вы и молиться не хотите о покойникѣ, пошли вонъ“... Вотъ мы по міру и пойдемъ.

— Ну, и пойдемъ, — отозвалась Мариночка.

И молодая барышня не была и на второй панихидѣ, и снова Патрикѣевна объяснила, что барышня очень хвораетъ.

Когда наступила ночь, то въ небольшой спальнѣ барышни, по ея желанію и съ согласія Патрикѣевны, зажгли цѣлую кучу свѣчей и позвали полдюжины горничныхъ.

Мариночка легла въ постель, но не спала и смотрѣла на всѣхъ какими-то дикими глазами.

Одна изъ самыхъ шустрыхъ горничныхъ, Феклушка, бойкая, веселая, умная и главная въ домѣ „догадница“, какъ называли ее, стала разсказывать Мариночкѣ сказку. И такъ ладно начала она разсказывать про Ивана Царевича да какого-то королевича, что Мариночка перестала испуганно смотрѣть и начала подремывать. Вскорѣ она спала уже глубокимъ сномъ.

Горничныя вышли, всѣ свѣчи, за исключеніемъ одной, погасили; Патрикѣевна легла въ свою постель, стоявшую недалеко отъ постели питомицы, а самая старшая горничная сѣла недалеко отъ кровати барышни на полу.

Если-бы Мариночка проснулась, то, конечно, перепугалась-бы на-смерть, увидя свою комнату при одной свѣчкѣ, няню спящей въ постели, а старшую горничную гулко храпящею на полу. Но дѣвушка настолько измучилась, что проспала безъ просыпа вплоть до того часа, когда яркое солнце озарило всю окрестность и золотомъ ворвалось въ три окна спальни.

XIII.

Такъ прошло со смерти старика Зорича пять дней. Между тѣмъ, въ усадьбѣ „Новоселье“ всѣ отъ мала до велика проводили дни, какъ говорится, „ушки на макушкѣ“; всѣ смущались, волновались и будто приглядывались и прислушивались. Всѣ ожидали съ одинаковымъ трепетомъ и нетерпѣніемъ великаго событія,—пріѣзда если не будущаго барина, наслѣдника покойнаго, то, во всякомъ случаѣ, опекуна и, слѣдовательно, человѣка, властнаго въ судьбѣ ихъ всѣхъ крѣпостныхъ холоповъ.

Однажды изъ Москвы прибылъ конный и объявилъ, что онъ отъ князя Андрея Григорьевича Ягузинскаго, который вскорѣ пожалуетъ самъ. Гонца этого кормили и поили до отвала въ людской, а затѣмъ самые видные изъ дворовыхъ поочередно звали къ себѣ въ гости и тоже угощали и раза два уже напоили замертво. У всѣхъ была одна и та-же цѣль — выспросить этого княжаго человѣка о томъ, каковъ будущій властелинъ. Свѣдѣнія, полученныя отъ гонца, были хорошія: онъ, и трезвый, и пьяный, равно восхвалялъ доброту князя.

По его словамъ, такихъ добрыхъ помѣщиковъ „днемъ съ огнемъ поискать“. Но зато онъ-же, будучи трезвымъ, говорилъ, что княгиня-барыня крѣпкая, а, будучи въ пьяномъ видѣ, говорилъ, что княгиня — не то, что бой-баба, а прямо „ехидна“.

Однажды онъ выразился:

— Наша княгиня чертъ чертомъ. Съ ней самъ сатана не справится.

При этомъ дворовый князя далъ ясное понятіе, что хотя князь—и добрѣющей души человѣкъ, но княгиня на немъ верхомъ катается и его муштруетъ.

Гонецъ объяснилъ, что оставилъ князя на дорогѣ, гдѣ застрялъ его экипажъ.

Наконецъ, черезъ день, въ сумерки, бывшіе въ усадьбѣ, въ саду и во дворѣ вдругъ встрепенулись: на селѣ раздались бубенчики и колокольчики и такъ загудѣли, какъ если-бы слышался дальній благовѣстъ.

— Князь! — вскрикнулъ кто-то, и это слово побѣжало и запрыгало по всей усадьбѣ.

Не было старика, не было мальчугана, не было дѣвченки-„побѣгушки“, которые не швырнулись-бы куда-нибудь и къ кому-нибудь, не закричавъ: „Князь! князь!“. И всѣ засновали въ усадьбѣ безъ толка и безъ смысла, какъ-бы только разгулять обуявшій вдругъ внутренній страхъ.

Вскорѣ огромный поѣздъ съ многочисленными поѣзжанами былъ уже на большомъ дворѣ. Все, что было живого въ усадьбѣ, столпилось въ передней, на крыльцѣ и кругомъ крыльца.

Когда князь показался изъ своей колымаги, всѣ низко поклонились, молча, а затѣмъ пытливо во всѣ глаза стали приглядываться къ лицу московскаго князя. Общее впечатлѣніе было хорошее.

— Изъ себя добрый, — рѣшили всѣ.

Князь прошелъ прямо въ залъ, гдѣ былъ покойникъ, уже положенный въ гробъ.

Несмотря на всѣ раскрытыя окна въ садъ и во дворъ, воздухъ былъ ужасный. Князь слегка задохнулся, досталъ большой шелковый платокъ, высморкался, отплюнулся и мысленно воскликнулъ:

„Матушки мои, сама чума!“

Будучи нѣсколько близорукимъ, онъ приблизился ближе къ столу, на которомъ стоялъ гробъ, и, уже находясь на разстояніи, при которомъ онъ могъ разглядѣть покойника, онъ вдругъ сталъ, какъ-то вытянулся и глянулъ съ крайнимъ удивленіемъ. Покойникъ изображалъ нѣчто невѣроятное. Ротъ его былъ страшно раскрытъ, какъ-бы при сильномъ сладкомъ зѣвкѣ, потому что нижняя челюсть отвалилась, лицо было страшно синеватое, почти безъ носа, потому что двѣ щеки вздулись, глаза, или вѣки на закрытыхъ глазахъ, были страшно велики, какъ-будто выпятились, вдобавокъ лѣвый глазъ не былъ совсѣмъ закрытъ, а только прищуренъ, и казалось, что покойникъ хитро и насмѣшливо подмигиваетъ, какъ-будто говоритъ: что хорошъ, молъ, я? Наконецъ, подъ гробомъ и по всей простынѣ, накрывавшей столъ, протекло и продолжало течь нѣчто отвратительное, зловонное.

(Продолженіе будетъ.)

Изъ дневника.

Бываютъ порою мгновенья,
Закрадется въ сердце печаль,
И хочется смутно чего-то,
И смутно чего-то мнѣ жаль.
Отдаться-ли прошлому—будто
Тамъ, въ прошломъ, отраднѣй жилось;
Повѣрить-ли сердце—какъ много
Хорошихъ въ немъ струнъ порвалось.
Заглянешь въ грядущее—жутко
И больно, и страшно гадать!—
Что жизнь впереди мнѣ готовитъ?
Чего отъ грядущаго ждать?

Ужъ юности бодрые годы
Ушли безъ возврата назадъ,
А путь еще, можетъ быть, длиненъ,
Въ немъ сколько, быть можетъ, преградъ.
Паду-ли я въ битвѣ неравной
Съ судьбою безславнымъ бойцомъ,
Шалунья-ль Фортуна ошибкой
Ко мнѣ обернется лицомъ?..
Бываютъ порою мгновенья,
Когда ничего ужъ не жаль,
Но хочется взоромъ пытливымъ
Проникнуть въ туманную даль.

Т. Киселевъ.

Возстановленный бюджетъ.

Разсказъ **І. Ю. Пробина.**

Канцелярія к—скаго пѣхотнаго полка, расположеннаго въ губернскомъ городѣ Г., по случаю двадцатаго числа полна офицерами, пришедшими получать жалованье. Они поочередно подходятъ къ столу полкового казначея, садятся, дѣлаютъ расчетъ, получаютъ причитающееся каждому и расписываются, очищая мѣсто слѣдующему въ порядкѣ прибытія въ канцелярію, согласно давно заведенному въ полку способу, ставшему уже почти обычаемъ.

Вотъ со стула всталъ плотный капитанъ и, уходя, засовываетъ въ кошелекъ довольно толстую пачку вчетверо сложенныхъ кредитокъ, предварительно ссыпавъ въ особое отдѣленіе нѣсколько золотыхъ монетъ.

За нимъ садится поручикъ Брокъ; поздоровавшись съ казначеемъ и вынимая свою записную книжку съ карандашикомъ, онъ смотритъ въ вѣдомость и вноситъ себѣ для памяти расчетъ.

— Мнѣ ничего не должны? — спрашиваетъ выдающій жалованье казначей, штабсъ-капитанъ Мучарскій, чисто одѣтый и хорошо выбритый офицеръ.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ поручикъ.

— Вамъ слѣдуетъ на руки шестьдесятъ девять рублей девяносто четыре копейки; получите и распишитесь.

— Чертъ знаетъ, сколько этотъ Брокъ, господа, получаетъ жалованья, — говорятъ про поручика окружающіе столъ казначея офицеры.

— Господа, кто въ «затылокъ» *)?—спрашиваетъ казначей.

— За мной былъ подпоручикъ Арскій, — говоритъ поручикъ Брокъ, поднимаясь и пересчитывая на ладони полученныя деньги.

— Арскій, Арскій! — раздается нѣсколько голосовъ, и изъ другой комнаты канцеляріи быстро выходитъ молодой подпоручикъ, адъютантъ 2-го батальона.

— Господа, не задерживайте, пожалуйста, — говоритъ казначей.

— Да получайте слѣдующій, мнѣ все равно,—предлагаетъ подпоручикъ.

— Ну, ужъ получайте, не путайте очереди, — возражаютъ ему окружающіе.

*) Юнкерскій терминъ, означающій, кто за кѣмъ стоитъ въ очереди, сообразно тому, какъ въ строю стоятъ одинъ за другимъ въ затылокъ солдаты.

— Да мнѣ все равно ничего не придется: все удержатъ, — конфузливо предупреждаетъ Арскій, садясь за столъ.

— Видѣли расчетъ? — спросилъ его казначей.

— Да.

— Получите тринадцать копеекъ и распишитесь.

Подпоручикъ спѣшитъ поставить свою подпись и быстро поднимается со стула подъ дружный смѣхъ и остроты стоящихъ тутъ товарищей.

Къ столу подходитъ подпоручикъ Твердовскій, садится и, пододвинувъ къ себѣ требовательную вѣдомость, глубокомысленно смотритъ на графы, сдвинувъ брови и, видимо, что-то соображая, хотя остальная часть лица какъ-то сохраняетъ не совсѣмъ серьезное выраженіе.

— Вамъ на руки приходится двадцать одинъ рубль девять копеекъ,—объявляетъ казначей Мучарскій.

— Нельзя-ли что-нибудь посократить? — проситъ подпоручикъ.

— Да вотъ видите: въ капиталъ двѣнадцать, портному десять, въ собраніе двадцать два, за проводы три, по подпискѣ два, кромѣ того, мнѣ еще должны.

— Хоть въ собраніе убавьте, Антонъ Ипатьевичъ, — проситъ Твердовскій.

— Право, не могу: командиръ полка приказалъ все удерживать, а онъ просматриваетъ вѣдомости, — стоитъ на своемъ Мучарскій.

— Такъ нельзя-ли хоть вамъ не отдавать теперь, а до слѣдующаго мѣсяца: вѣдь? отдавъ вамъ десять рублей, я получу одиннадцать рублей, а мнѣ необходимо имѣть тридцать рублей... и то еще придется доставать.

— Нѣтъ, этого не могу: въ этомъ мѣсяцѣ будетъ инспекторскій смотръ, и я долженъ собрать, что роздано.

— Пожалуйста, Антонъ Ипатьевичъ!

— Ну, хорошо: въ собраніе я вамъ поставлю двѣнадцать рублей — десять скину. Распишитесь.

Подпоручикъ расписался, не считая, сжалъ въ кулакѣ положенныя ему деньги и засунулъ ихъ въ карманъ брюкъ.

— Кто дальше въ затылокъ?

— Господа, позвольте полковнику получить, — раздались голоса, и сѣвшій уже на стулъ высокій поручикъ вѣжливо уступилъ свое мѣсто не въ очередь подошедшему батальонному командиру, подполковнику, также по установившемуся полковому обычаю.

Подпоручикъ Твердовскій, минуту постоявъ, невольно выговорилъ вслухъ свою мысль:

— Гдѣ-бы денегъ достать?

— Валяй изъ капитала! — посовѣтывалъ Арскій.

— Да я недавно бралъ и могу получить только двадцать

Великокняжескій посолъ Морозовъ у крымскаго хана Менгли-Гирея (1507 г.). Оригин. рисунокъ В. Муйжеля; гравир. для „Родины“ Н. Соболевъ.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА. Съ картины С. Вольскаго гравир. для „Родины“ В. Цехомскій.

рублей, да и то, вѣдь, не сегодня получишь, а мнѣ сейчасъ надо не меньше тридцати рублей.

— Займи!

— Да каждому самому надо... Дай мнѣ рублей двадцать...

— Чудакъ, да, вѣдь, ты видѣлъ, что я получилъ тринадцать копеекъ!

— Ну, надо домой, — со вздохомъ сказалъ Твердовскій и, разыскавъ свою фуражку и попрощавшись съ офицерами, вышелъ изъ канцеляріи.

«Скверно; мало получилъ»,—думалъ онъ, направляясь къ своей квартирѣ и раздумывая, какъ-бы сбалансировать предстоящіе съ приходомъ домой расходы съ имѣющеюся наличностью.

Но ничего не выходило. Самыхъ необходимыхъ расходовъ было на тридцать рублей, а въ карманѣ всего двадцать одинъ рубль: девять рублей надо было достать, во что-бы ни стало.

Подойдя къ квартирѣ, Твердовскій позвонилъ и, входя, спросилъ денщика:

— Былъ кто безъ меня?

— Такъ точно, ваше благородіе! Чухна приходила.

— Какой чухна? Хозяинъ?

— Такъ точно... Такъ что за деньгами!

— Ага, хорошо! — сказалъ вслухъ подпоручикъ и мысленно добавилъ: «ишь, свинья, дождаться не можетъ, скотина!» — Чаю!

— Слушаю, ваше благородіе.

Твердовскій сѣлъ къ окну у стола и сталъ думать, гдѣ-бы сейчасъ достать денегъ? Занять не у кого: всѣ получили съ вычетами, а такой, какъ Брокъ, не дастъ. А достать надо: хозяину, чухнѣ, за квартиру за два мѣсяца — двадцать рублей; дровъ купить — три рубля, прачкѣ, что принесетъ сегодня бѣлье, два рубля и долгъ на слово пять рублей. Хоть лопни, а тридцать рублей надо сейчасъ.

Въ раздумьѣ офицеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и остановился у письменнаго стола.

«Посмотрѣть, нѣтъ-ли чего заложить»,— подумалъ онъ и началъ выдвигать ящикъ за ящикомъ, но ничего не находилось.

Наконецъ, въ послѣднемъ ящикѣ среди бумагъ онъ увидѣлъ уже давно купленныя имъ, неизвѣстно зачѣмъ, очки въ золотой оправѣ, которыхъ онъ никогда не носилъ и въ которыхъ не нуждался, имѣя отъ природы отличное зрѣніе.

— Пфью,—присвистнулъ даже подпоручикъ:—за очки было заплачено двадцать рублей съ чѣмъ-то; отнесу ихъ обратно и предложу взять ихъ назадъ за половину цѣны: дастъ жидъ десять рублей и къ черту ихъ, все равно валяются зря!

Въ это время денщикъ принесъ чай и спросилъ:

— На который столъ поставить, ваше благородіе?

— Не хочу!.. Прачка бѣлья не приносила?

— Никакъ нѣтъ еще; ужо вечеромъ схожу, а чухна хотѣлъ коло пяти часовъ опять придти...

— Дай пальто!

Подпоручикъ, положивъ очки въ карманъ, вышелъ на дворъ и пошелъ на главную улицу къ жиду-оптику, у котораго, мѣсяца четыре назадъ, купилъ очки, но, по мѣрѣ приближенія къ магазину, онъ начиналъ чувствовать нѣкоторую неловкость возвратить вещь черезъ четыре мѣсяца, хотя-бы и за полцѣны.

«Неудобно только офицеру предлагать, точно продаешь»,— думалось ему, и эта мысль все крѣпче и крѣпче забилась въ голову.

Вотъ уже Твердовскій подходитъ къ магазину.

«Ужасно неловко,—думается ему,—будь я штатскій, тогда все равно, да и никто тебя не знаетъ, а тутъ — офицеръ! Скажетъ: «офицеръ принесъ продавать очки»... Ужасно неловко: напрасно я не послалъ денщика, чертъ возьми!»

Подойдя къ самому магазину, подпоручикъ сдѣлалъ было одинъ шагъ къ дверямъ, но потомъ прошелъ мимо.

«Надо сперва придумать, какъ я ему скажу», — пришло въ голову Твердовскому и онъ началъ удаляться отъ магазина.

«Вотъ дойду до слѣдующаго квартала и поверну назадъ», — сказалъ онъ про себя.

Дойдя до намѣченнаго угла, Твердовскій вернулся назадъ и сталъ придумывать свое обращеніе къ оптику.

«Скажу ему, что отецъ прислалъ мнѣ мои забытыя у него въ отпуску очки, къ которымъ я болѣе привыкъ и которыя тоже золотыя, а потому эти уже лишнія, и не возьметъ-ли ихъ назадъ, хотя за полцѣны, чтобы даромъ не валялись у меня».

Съ этою мыслью подпоручикъ опять приближался къ магазину еврея.

«А все-таки ужасно неловко! — пришло ему опять въ голову: — не послать-ли, въ самомъ дѣлѣ, денщика?.. Надо это обдумать»... — и офицеръ опять прошелъ мимо дверей оптика.

«Нѣтъ, денщика жидъ совсѣмъ надуетъ: дастъ цѣну, какъ за ломъ, пять или даже три рубля... Что тогда? Все равно, что ничего... Нѣтъ, надо самому... Нечего дѣлать... Надо только не стѣсняясь, развязнѣе, или эдакъ небрежно предложить, чтобы онъ не понялъ, что мнѣ нужны деньги. Пойду!»

Подпоручикъ опять повернулъ назадъ и пошелъ къ магазину скорѣе, но, немного не доходя до дверей, остановился у окна писчебумажнаго магазина и сталъ разсматривать карточки открытыхъ писемъ, которыя уже давно и нѣсколько разъ видѣлъ. Потомъ, отойдя отъ окна, онъ пошелъ уже не такъ рѣшительно, а, подойдя къ дверямъ оптика, немного пріостановился.

«Да, такъ, какъ я хотѣлъ ему сказать про очки? Надо вспомнить», — сказалъ про себя Твердовскій и, чтобы не стоять у дверей, опять прошелъ ихъ, принявъ уже походку прогуливающагося отъ нечего дѣлать человѣка и умышленно безпечно посматривалъ на встрѣчныхъ прохожихъ.

Пройдя нѣсколько домовъ, онъ снова повернулъ назадъ и медленно направился къ цѣли своего путешествія, но, подойдя къ магазину, не остановился, а прошелъ мимо.

«Пройду еще разъ немного далѣе», — рѣшилъ онъ и, когда дошелъ до часового магазина, то увидѣлъ, что онъ уже около часа гуляетъ по улицѣ и что уже четыре часа.

«А въ пять часовъ придетъ хозяинъ, — мелькнуло въ головѣ подпоручика, — надо идти!» — и Твердовскій опять повернулъ въ сторону оптика и пошелъ тою-же небрежной походкой, чтобы никому не бросилось въ глаза, что онъ ходитъ все у одного магазина.

Подойдя къ бумажной лавкѣ, Твердовскій увидѣлъ у окна остановившихся двухъ школьниковъ и, присоединившись къ нимъ, началъ разсматривать карточки.

«Однако, надо-же идти», — подумалъ Твердовскій и направился далѣе.

Проходя мимо дверей оптика, онъ круто повернулся и, спѣшно открывъ ихъ, вошелъ.

Хозяинъ магазина въ это время показывалъ двумъ дамамъ градусники.

«Какъ это неудобно!» — съ досадой подумалъ подпоручикъ и сказалъ:

— Здравствуйте!

— Имѣю честь кланяться, — отвѣтилъ еврей-хозяинъ и лицо его выразило вопросъ.

— Ничего, я подожду, — сказалъ Твердовскій.

Оптикъ молча поклонился и опять занялся дамами, а офицеръ сталъ ходить по магазину.

— Прошу присѣсть, — предложилъ ему хозяинъ, указывая рукою на стулъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ подпоручикъ и началъ разсматривать бинокли.

Дамы кончили свой разговоръ и ушли.

— Что прикажете? — спросилъ оптикъ.

— Вотъ, видите-ли, я мѣсяца четыре назадъ купилъ у васъ эти очки въ золотой оправѣ и заплатилъ за нихъ двадцать рублей...

— Позвольте! Да, эти очки у меня куплены. Чѣмъ еще могу служить?

— Гм... Видите-ли... мнѣ очковъ не надо... они мнѣ не нравятся... Гм...

— Напрасно-съ! Это — самыя прекрасныя очки!

— Гм... Не въ томъ дѣло... они, правда, хорошія, но мнѣ не нравятся очки... я хотѣлъ-бы имѣть пенснэ... Не можете-ли мнѣ перемѣнить ихъ на пенснэ?

— Отчего-же нѣтъ? Съ удовольствіемъ!

— Такъ покажите, пожалуйста, мнѣ пенснэ!

— Извольте-съ.

— Сколько эти стоятъ?

— Вотъ-съ, извольте... Эти — двадцать два рубля, эти — двадцать пять, эти — тридцать рублей...

— Такъ дайте мнѣ вотъ эти!.. А во сколько вы возьмете назадъ очки?

— Изволите-ли видѣть, въ обмѣнъ на пенснэ готовъ принять отъ васъ очки назадъ за двѣнадцать рублей... Такъ какъ пенснэ стоятъ двадцать пять рублей, то, слѣдовательно, съ васъ, господинъ офицеръ, слѣдуетъ дополучить тринадцать рублей...

— Гм... хорошо... получите...

— Благодарю васъ, господинъ поручикъ!

— До свиданія...

— Имѣю честь кланяться... Всего хорошаго желаю вамъ, господинъ поручикъ...

Твердовскій направился домой, крѣпко ущипнувъ себя въ карманѣ пальто за ногу и всю дорогу мысленно ругая себя и подлеца-жида...

— Такъ что, ваше благородіе, чухна опять приходила и сулилась черезъ часъ зайти, — встрѣтилъ воротившагося подпоручика денщикъ.

КОНЕЦЪ.

ОГНИ.

Разсказъ **А. Эльснеръ-Койранскаго.**

I.

По НАБЕРЕЖНОЙ Баку длинной вереницей тянулись фаэтоны. Въ раскрытыхъ дверяхъ магазиновъ, у подъѣздовъ домовъ,—всюду виднѣлись группы любопытныхъ, съ устремленными въ одну сторону взорами, гдѣ посреди нѣсколькихъ всадниковъ ѣхала на черной лошади молодая дама въ черной амазонкѣ, съ маленькимъ цилиндромъ на головѣ.

— Вотъ она, владѣтельница фонтана,—повторялась одна и та-же фраза среди группы любопытныхъ.

— Скажите, пожалуйста, какъ скоро она вошла въ свою роль.—говорилъ маленькій армянинъ, съ хитро бѣгающими глазами,—и какъ гордо она ѣдетъ—просто удивительно... Вѣдь, всего нѣсколько дней назадъ она ходила по улицамъ, высматривая себѣ... покупщика... Господинъ Ивановъ, какъ живете?

— Здравствуйте, други,—отвѣчалъ на привѣтствіе высокій худой господинъ, съ блѣдной физіономіей, выражающей досаду и злость; его свѣтлые, блестящіе глаза были устремлены на всадницу, въ то время какъ по сжатымъ тонкимъ губамъ пробѣгала досадливая усмѣшка.—Живу плохо; что ни день—убытокъ. Сверлю фонтанъ—это четвертый будетъ по счету—и, сколько ни буравлю, никакого фонтана не получается, а одна пагуба и разореніе. Просто хоть повѣситься... вотъ надъ той дырой, что теперь пробуравилъ...

Всѣ засмѣялись, а Ивановъ, силясь подавить злую улыбку, быстро направился къ всадницѣ.

Посреди молодыхъ людей рѣзко выдѣлялась фигура дамы, съ черными, какъ воронье крыло, волосами, огибающими правильный овалъ ея матово-блѣднаго лица. Изъ-подъ черныхъ бровей смотрѣли большіе черные, какъ ночь, глаза, въ глубинѣ которыхъ, казалось, свѣтилась какая-то скрытая въ нихъ тайна. Тонкій съ высокой горбиной носъ придавалъ ея лицу властное выраженіе, гармонирующее съ надменно-коварной улыбкой, пробѣгающей по ея маленькимъ краснымъ, какъ кораллы, губамъ.

— Какая досада! Всѣ эти люди созерцаютъ меня, точно Богъ вѣсть какое интересное зрѣлище,—сказала она, глядя на ѣхавшаго рядомъ съ нею высокаго молодого армянина Джафарова.

— Это—только должная дань вашему счастью, а счастье, это—звѣзда, восходъ которой люди привѣтствуютъ съ почтительнымъ изумленіемъ, закатъ—съ злорадствомъ. Вашъ фонтанъ, такъ неожиданно появившійся, взволновалъ весь городъ. Къ вамъ потекутъ милліоны...

— Вмѣстѣ съ льстивыми улыбками и словами, какъ ваши,—сказала она, презрительно смѣясь.—Деньги и льстивые люди,—все будетъ у меня... Не думайте, однако-же, Джафаровъ, первыя я возьму, но вторыхъ оттолкну, какъ свою болонку...—Она склонилась къ своему собесѣднику и ея глаза заблистали злобой.—Да, Джафаровъ, вы ѣдете за моей счастливой звѣздой, но не забывайте—было время, когда вы отвернулись отъ моей звѣзды несчастной. Я была жестоко наказана вами.

— Клянусь вамъ, Марьямъ, я любилъ васъ...

— Послѣдній годъ былъ ужаснымъ для меня. Я чувствовала, что лечу въ бездну. Вамъ все это извѣстно, Джафаровъ. Но вотъ, какъ вы выражаетесь, заблистала звѣзда. Что-же, привѣтствую ее и буду себя держать сообразно ея высотѣ.

Она выпрямилась въ сѣдлѣ и, какъ-будто сдѣлавшись еще выше, прервала возможность дальнѣйшихъ возраженій Джафарова холоднымъ смѣхомъ и поскакала въ карьеръ.

За всадниками понеслись вереницы фаэтоновъ по одному направленію—вдоль берега моря. Вправо тянулись линіи двухъэтажныхъ каменныхъ домовъ, съ плоскими крышами; влѣво, за гранитной стѣной, распростерлось море, которое стали все болѣе бороздить бѣлые зайчики набѣгающихъ другъ на друга волнъ. Начинался „нордъ“, вздымая цѣлыя облака пыли. Солнце жгло немилосердно, раскаляя громады домовъ и вершины каменистыхъ горъ, по склонамъ которыхъ кое-гдѣ виднѣлись громадные верблюды.

Всадники миновали городъ и, завернувъ вправо, на минуту пріостановились, глядя на открывшуюся ихъ глазамъ картину.

Въ разстояніи версты отъ нихъ, близъ морского берега, возвышался лѣсъ нефтяныхъ вышекъ, имѣвшихъ форму узкихъ деревянныхъ пирамидъ и шедшихъ въ вышину саженъ на десять. Посреди вышекъ съ пыхтѣніемъ, похожимъ на дыханіе исполинскаго звѣря, вылетали изъ-подъ земли огромныя темно-бурыя облака нефти, поднимающіяся одно за другимъ скачками въ вышину. Вѣтеръ, яростно дувшій со стороны моря, крутилъ въ воздухѣ бурыя нефтяныя тучи и, подхватывая милліарды брызгъ, гналъ ихъ въ разныя стороны.

— Вотъ все мое богатство,—сказала всадница съ улыбкой на губахъ.—Джафаровъ, я полагаю, это не много.

Джафаровъ отвѣтилъ:

— Каждый вздохъ вашего чуднаго фонтана выбрасываетъ къ вашимъ ногамъ цѣлый дождь червонцевъ. Надо согласиться, судьба сдѣлала выборъ своей любимицы удачно, избравши васъ...

Дама расхохоталась, сверкая бѣлыми зубами изъ-подъ красныхъ смѣющихся губокъ, и, окидывая взорами своихъ черныхъ глазъ группировавшихся вокругъ нея всадниковъ, сказала:

— Не трудитесь, Джафаровъ, выискивать для меня новые комплименты. Чѣмъ болѣе вы будете экономны, тѣмъ лучше для васъ и пріятнѣе для вашей молоденькой женылезгинки, которою вы такъ неожиданно обзавелись... Завтра вы будете, конечно, у меня?

Она поскакала.

Группа всадниковъ мчалась вдоль морского берега и за ними длинной вереницей — коляски и фаэтоны. Яростное завываніе вѣтра смѣшивалось съ безостановочнымъ шумомъ моря, образовывая какой-то хаосъ звуковъ гнѣвнаго ропота и какъ-бы дикаго, неистоваго отчаянія. Море вздувалось, клокотало, пѣнилось. Огромныя волны, точно въ какихъ-то конвульсіяхъ ярости, неслись безконечными рядами и, ударяясь о камни, разсыпались въ лучахъ солнца сверкающей пылью.

— Фонтанъ на удивленіе, можно сказать,—говорилъ желчный Ивановъ, поглядывая то на всадницу, то на ея спутниковъ, столпившихся полукругомъ около нея.

Далѣе виднѣлись толпы любопытныхъ.

Теперь, когда всѣ стояли невдалекѣ отъ самаго жерла, фонтанъ представлялъ поразительное зрѣлище. Изъ узкаго отверстія въ землѣ вылетали огромные столбы бурой горячей жидкости и съ необыкновенной силой уносились вверхъ. Чувствовалось какъ-бы учащенное дыханіе какого-то скрытаго въ землѣ колоссальнаго звѣря. Тамъ, вверху, столбы фонтана ударялись въ нарочно устроенныя желѣзныя доски съ такой силою, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробивали ихъ насквозь и, распадаясь широкими ливнями, снова падали внизъ, встрѣчались съ новыми вылетающими изъ земли столбами, и все это неистово клокотало, вертѣлось съ неимовѣрной быстротой, испуская черныя тучи пара, хлестало въ разныя стороны; а изъ жерла равномѣрными частыми, какъ удары сердца, вздохами продолжали взвиваться новые и новые столбы.

— Какъ онъ мечется... вотъ бѣсноватый-то!.. Да знаете-ли, прелестная владѣтельница, въ немъ для васъ заключается цѣлая Калифорнія... Не будь я — Ивановъ...

— Ну, Калифорнія пока еще не моя,—съ улыбкой отвѣчала армянка.

Ивановъ быстро подошелъ къ ней и сталъ говорить:

— Да помилуйте, какъ-же это — не Калифорнія, смѣю сказать. Даже лучше, куда лучше: фонтанъ, такъ сказать, любезнѣе къ дамамъ...

— Какой вздоръ.

— И нисколько не вздоръ. Золото надо отыскивать, извлекать, а здѣсь само оно разсыпается у вашихъ божественныхъ ножекъ червончиками. Въ день эдакъ тысченокъ сорокъ...

Дама весело разсмѣялась.

— Неужели? Кажется, вы немножко преувеличиваете, господинъ Ивановъ.

— Бросьте меня тогда въ этотъ кипящій адъ... — сказалъ онъ и вдругъ, взглянувъ на желѣзныя доски, которыя все болѣе пробивались нефтяными столбами, воскликнулъ: — ба-ба-ба!.. Да онѣ не выдержатъ, и этотъ дьяволъ-фонтанъ сейчасъ пробьетъ ихъ... Ну, вотъ вамъ, смотрите... Трахъ!..

Послышались крики. Стоящія группы людей двинулись дальше отъ фонтана, потому что фонтанъ, пробивши желѣзныя доски, огромными столбами сталъ свободно уноситься вверхъ и тамъ, въ высотѣ, гигантскими вѣерообразными кругами сталъ ниспадать въ разныя стороны, обдавая дождемъ изъ нефти стоящія группы людей. Въ волнующейся толпѣ слышались крики, взвизгиванія женщинъ и хохотъ.

— Что-же теперь дѣлать? Мои червонцы разсыпаются, какъ видите... Ивановъ, голубчикъ, распорядитесь, — проговорила армянка, подъ вліяніемъ необходимости внезапно утрачивая свою гордость.

Однако, вмѣшательство Иванова оказалось излишнимъ, такъ какъ мужички, оборванные и черные отъ копоти, стали быстро вскарабкиваться по столбамъ. Скоро желѣзная доска была укрѣплена снова, и мужички начали уже съ торжествомъ спускаться внизъ, какъ одного изъ нихъ, слишкомъ выдвинувшагося впередъ, ударило нефтянымъ столбомъ: онъ, или, вѣрнѣе, его тѣло взлетѣло на нѣсколько саженей вверхъ, покружилось въ воздухѣ и быстро понеслось къ землѣ. Послышались крики ужаса.

Мужичекъ лежалъ, страшно изувѣченный, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни, а владѣтельница фонтана съ холоднымъ любопытствомъ разсматривала его своими черными глазами и неожиданно для всѣхъ вдругъ крикнула:

— Экипажъ!..

Она уѣзжала со спокойной совѣстью и съ веселымъ лицомъ. За нею поскакали ея спутники.

II.

Въ великолѣпной гостиной, убранной въ восточномъ вкусѣ, посреди двухъ пальмъ, сидѣла армянка Марьямъ Черекчіанова, въ бархатномъ темно-красномъ платьѣ, съ золотымъ поясомъ вокругъ гибкой таліи. Самодовольно-кокетливая улыбка и презрительные взгляды ея глазъ, устремленныхъ на стоящаго предъ ней на колѣнахъ Джафарова, показывали, что она испытываетъ чувство мстительнаго торжества надъ измѣнившимъ ей и снова побѣжденнымъ любовникомъ. Конечно, она помнила, что на этотъ разъ онъ привлеченъ къ ней не столько любовными цѣпями, сколько золотыми, и не забывала язвить и унижать молодого армянина. Вообще, надо замѣтить, что вмѣстѣ съ богатствомъ Черекчіановой, которое съ каждымъ днемъ возрастало, въ ея душѣ подымалось холодное высокомѣріе, не знающее границъ. Торжествовать въ сіяніи роскоши, наслаждаться местью, видомъ униженія свидѣтелей ея прежнихъ черныхъ дней — это чувство было для нея самымъ сладостнымъ.

Прошлое Черекчіановой было очень скромнымъ. Ея отецъ совершенно разорился, послѣ того какъ весь его капиталъ ушелъ на буреніе колодца, который все-таки не былъ дорытъ. Это породило общія насмѣшки надъ старикомъ Черекчіановымъ.

Марьямъ съ того времени стала давать уроки музыки въ богатыхъ домахъ. Тамъ она познакомилась съ Джафаровымъ, который сумѣлъ такъ прельстить ее, что она, закрывши глаза на будущее, позволила ему овладѣть собою. Это было очень кратковременное счастье для Марьямъ, прервавшееся извѣстіемъ, что человѣкъ, которому она отдалась, считается женихомъ какой-то лезгинки. Ея гнѣвъ былъ ужасенъ, но, когда къ ней явился Джафаровъ, она только гордо выпрямилась и, мрачно сверкая глазами, повелительно указала ему на дверь.

Вскорѣ послѣ этого умеръ ея отецъ. Предъ смертью, вручивъ ей небольшую скопленную имъ сумму денегъ, онъ завѣщалъ Марьямъ докончить работы въ колодцѣ, и она выполнила желанье отца съ буквальной точностью. Фонтанъ, однако-же, долго не появлялся, и видъ молодой армянки съ каждымъ днемъ дѣлался все болѣе мрачнымъ.

Вдругъ произошло чудо. Когда въ ея сердцѣ уже погасъ послѣдній лучъ надежды, подъ землей ея участка послышалось шипѣнье, точно гигантскій свернутый въ клубокъ змѣй, приготовляясь къ страшному прыжку, съ шипѣніемъ распрямлялся, и вдругъ въ отверстіи показалось черное облако и понеслось вверхъ. Фонтанъ дышалъ частыми ровными вздохами, и въ груди Черекчіановой такъ-же учащенно-радостно билось сердце. Съ этого момента міръ сталъ казаться ей инымъ, но Марьямъ не забывала, что все это превращеніе совершила одна счастливая карта, брошенная въ кругъ ея жизни рукою судьбы двумъ противникамъ—унынію и голоду: судьбѣ она была благодарна, но людей стала презирать.

Стоя на колѣнахъ у ногъ Марьямъ, Джафаровъ робко проговорилъ:

— Я начинаю думать, что вы задались цѣлью умышленно мучить меня, Марьямъ. Вы говорите такъ, точно бросаете въ мою грудь стрѣлы, и иногда такъ мѣтко, что я забываю, что онѣ исходятъ изъ рукъ ангела. Знаете что—забудьте прошлое и смотрите въ мое сердце: оно полно однимъ чувствомъ—любовью къ вамъ.

— Колѣнопреклоненіе еще ничего не доказываетъ. Вспомните хотя-бы евреевъ во времена Моисея: они одинаково преклонялись предъ небомъ и тельцомъ изъ золота. Можетъ быть, вы—идолопоклонникъ.

Джафаровъ вспыхнулъ, поднялся съ мѣста и сталъ ходить по комнатѣ, сжимая свою голову ладонями рукъ, какъ тисками. Красавица долго смотрѣла на него и вдругъ неожиданно сказала:

— Я слышала, ваша жена — хорошенькій... чертенокъ...

Джафаровъ изумленно посмотрѣлъ на Черекчіанову.

— Ангелъ, хотѣла я сказать, и сказала — чертенокъ. Вѣроятно, безмятежный ангелъ и замораживаетъ васъ.

Джафаровъ молчалъ.

— Со мной вамъ приходится плохо: вы въ какой-то горячкѣ всегда, въ агоніи первой любви. Скажите на милость, что вамъ за охота бросать ангела и бѣжать за такимъ злымъ демономъ, какъ я? Вы—только мишень для моихъ стрѣлъ. Вамъ больно, мнѣ смѣшно.

Марьямъ говорила все это съ методической разстановкой, съ презрительно опущенными длинными рѣсницами, изъ-подъ которыхъ пристально смотрѣли свѣтящіеся злые глаза. Джафаровъ задвигалъ головой съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ сбросить со своей шеи окрутившуюся вокругъ нея змѣю.

— Если вы хотите убить себя отъ безнадежной любви, то для меня это безразлично... Подумайте, однако-же, о вашемъ ангелѣ... Ей придется выпрашивать себѣ, пожалуй... Я дамъ ей... кое-что, хотя...

— Молчите, я уйду отъ васъ!...—вскричалъ поблѣднѣвшій Джафаровъ, дико блистая глазами.—Вы—особа, у которой не одинъ языкъ, а цѣлая сотня, чтобы говорить колкости... Надѣюсь, мы разстаемся навсегда!...

И онъ быстро направился къ двери, но Марьямъ въ одинъ мигъ сообразила, что ей дѣлать.

— Джафаровъ!..

Съ этимъ восклицаніемъ, сорвавшимся съ ея розовыхъ устъ, подобно сладостному вздоху, она полулегла на диванъ. Послышался трескъ какъ-бы разстегнувшагося платья. Полулежа на диванѣ, Марьямъ поддерживала голову ладонью руки и лицо ея смѣялось сладостнымъ смѣхомъ.

Джафаровъ, стоя близъ нея, имѣлъ крайне растерянный видъ.

— Я была когда-то ваша, глупый вы человѣкъ!

И вздохъ, вырвавшійся изъ ея груди, и весь ея видъ какъ-бы говорили: «возьми меня», и Джафаровъ потерялъ голову. Бросившись къ Марьямъ, онъ припалъ своими губами къ ея смѣющимся устамъ и, когда она его оттолкнула, заговорилъ дико и страстно, произнося клятвы въ своей любви. Вдругъ Марьямъ глубоко впустила пальцы въ курчавые волосы Джафарова и потянула его къ себѣ. Губы ихъ слились, но въ ея душѣ, вмѣстѣ съ чувствомъ страсти, клокотала буря, и вотъ, чудно разсмѣявшись, она стала съ бѣшенствомъ рвать его волосы, минутами притягивая Джафарова къ себѣ и вознаграждая за боль поцѣлуями. Ею все болѣе овладѣвалъ гнѣвъ.

— Прочь! — воскликнула она, вскакивая, какъ пантера, и отталкивая отъ себя Джафарова.—Ступайте къ вашей лезгинкѣ и пусть она утѣшитъ васъ за боль, которую причиняю вамъ я.

Выпрямившись во весь ростъ, Марьямъ нахмурила свои черныя брови и ея матово-блѣдное лицо, казалось, озарилось сіяніемъ ея мрачно сверкающихъ глазъ. Вдругъ гдѣ-то въ дверяхъ послышался легкій смѣхъ и въ портьерахъ показалось смѣющееся лицо со свѣтлыми баками.

— Ивановъ!.. Да вы здѣсь? Какимъ образомъ?

— Прямо по лѣстницѣ поднялся, потомъ черезъ пустынные ваши чертоги, остановился и немножко эдакъ созерцаю. Право, сталъ даже ликовать въ душѣ... что не женатъ.

— Да я шутила. Джафаровъ, ступайте въ мою комнату, ждите меня тамъ и не сердитесь — я шутила.

Джафаровъ вышелъ и Марьямъ обратилась со строгой рѣчью къ своему неожиданному гостю.

— Вы—безцеремонный человѣкъ, господинъ Ивановъ: входите, куда васъ не зовутъ, и подслушиваете чужія тайны, что вовсе не желательно. Удивляюсь, какъ васъ впустили мои лакеи! Что-же вы слышали?

— Болѣе, такъ сказать, созерцалъ и проникался сожалѣніемъ къ волосамъ!.. Право, я вамъ хотѣлъ закричать: «браво! браво!» — такой это у васъ царственный видъ — богиня, да и только!

— Этотъ человѣкъ, видите-ли, безумно любитъ меня, забывая о своемъ ангелѣ—вѣрной женѣ; я его хотѣла наказать за такое вѣроломство—вотъ и все... Теперь я вамъ скажу, зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали: въ надеждѣ занять денегъ для сверленія новаго фонтана... Да?

— Да! — воскликнулъ мгновенно просіявшій Ивановъ.

— Всѣмъ извѣстно, что вы всегда рыщете по городу съ этой цѣлью; но тѣ, которые вамъ даютъ взаймы, дѣлаютъ глупость: никакого фонтана у васъ не появлялось, и я не раздѣляю вашей иллюзіи.

— «Иллюзія» и «манія»—давно я ихъ слышу, и это только означаетъ, что мнѣ не везетъ. Забьетъ фонтанъ, Ивановъ—милліонеръ, а потому и умнѣйшій изъ смертныхъ. Съ милліономъ можно и въ рай проползти, будь я грѣшенъ, какъ Каинъ. Богиня, одолжите бѣдному Иванову двадцать пять тысячъ.

— Хорошо... Но если ваша судьба обернется къ вамъ спиной, какъ и раньше, чѣмъ вы мнѣ тогда заплатите?

— Своею кровью!—вскричалъ Ивановъ, сверкая свѣтлыми глазами:—каплями своей крови за каждый рубль...

[illegible]ръ...

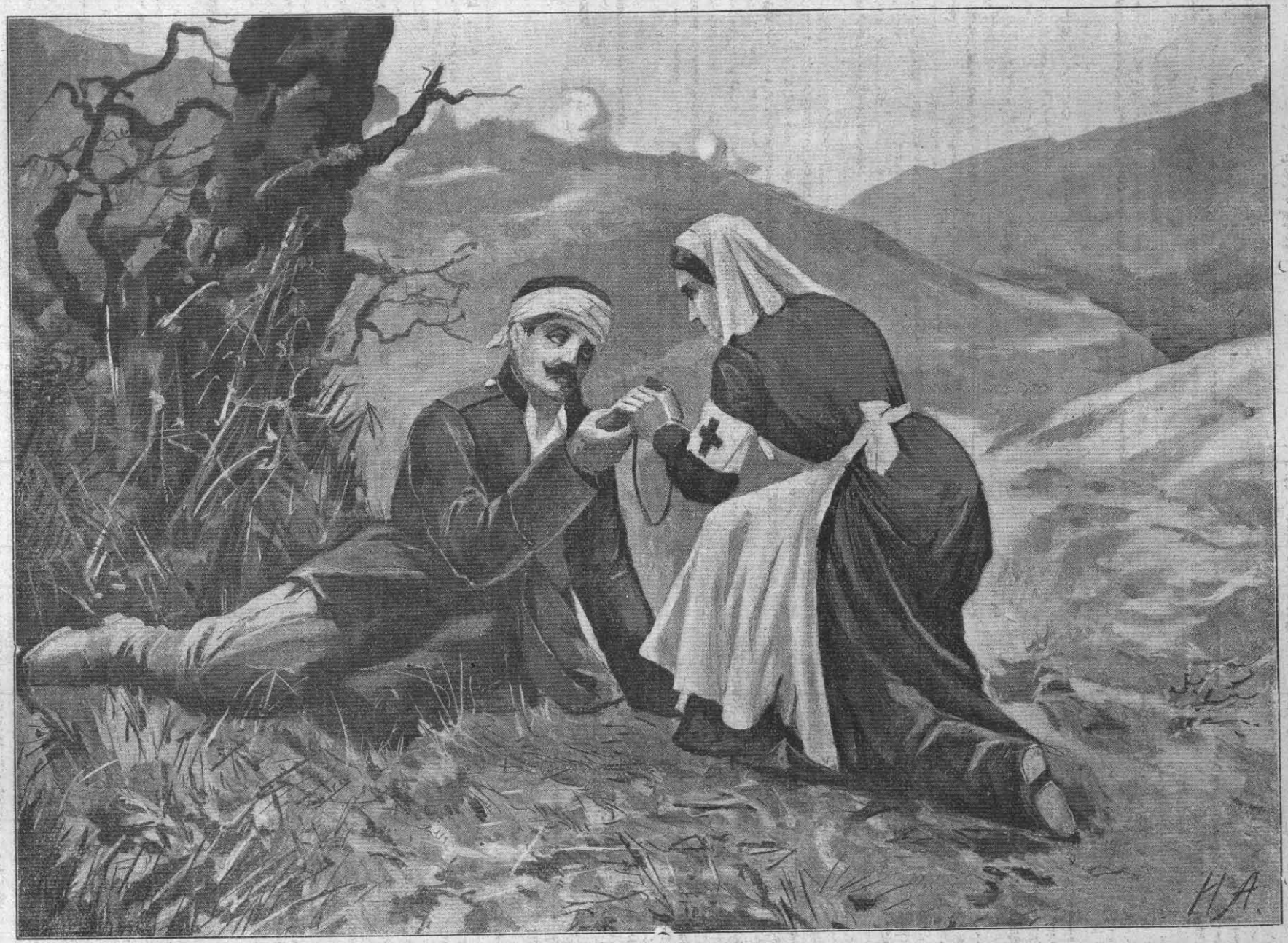
— Наконецъ, всецѣло предаю свою особу пожизненно въ ваши руки...

— Вашей крови мнѣ не надо... Впрочемъ, постойте... Вы говорите—отдаете себя...

Въ лицѣ ея отразилось что-то загадочное и коварное и видно было, что она о чемъ-то раздумываетъ. Вдругъ, къ чрезмѣрному удивленію Иванова, она проговорила:

— Хорошо, я согласна. Въ случаѣ, если вы не будете въ состояніи возвратить мнѣ деньги—ваша особа поступаетъ въ полное и пожизненное мое распоряженіе. Рѣшено, пишите вексель.

Искатель фонтана стоялъ съ сильно расширенными глазами и видъ его былъ довольно-таки глуповатымъ въ это время.



ВЕЛИКІЙ ПОДВИГЪ. Оригинальный рисунокъ **Н. Адамовича.**

«Надѣвается скверная армянка надо мной», — подумалъ Ивановъ, но хозяйка повторила еще и еще то-же самое и, въ концѣ концовъ, все такъ сложилось, что Ивановъ усѣлся за столъ и подъ диктовку Черекчіановой написалъ преудивительный вексель. Конечно, она глумилась надъ бѣднымъ искателемъ фонтана, но помимо этого у нея была и своя обдуманная цѣль. Вручивъ ему часть обѣщанной суммы, Марьямъ неожиданно спросила:

— Скажите, пожалуйста, Ивановъ, знакомы вы съ женой Джафарова?

— Она — ангелъ!

— Ангелъ или демонъ, для меня безразлично. Перехожу къ дѣлу. Отправляйтесь сейчасъ къ ангелу Джафарова и скажите ей, что ея невѣрный супругъ у меня и что я прогоняю его, но онъ не уходитъ. Опишите сцену, свидѣтелемъ которой вы были, и вообще постарайтесь, чтобы ангелъ сталъ ревновать и превратился въ злого духа Джафарова.

— Да вы, богиня, затѣваете что-то, ой-ой!

— Ивановъ, исполняйте безъ возраженія то, о чемъ я васъ прошу, или уничтожимъ нашъ договоръ. Ну-съ?.. — повелительно произнесла Марьямъ.

— Я иду.

И Ивановъ вышелъ.

III.

Спустившись по лѣстницѣ на крыльцо, Ивановъ остановился и сталъ озираться. Домъ Черекчіановой находился на горѣ, откуда открывался видъ на расположенные внизу городъ и море. Вправо виднѣлось поднимающееся въ вышину снизу черное облако, точно дымъ, вылетающій изъ дула гигантской пушки—фонтанъ Черекчіановой.

Ивановъ чиркнулъ спичкой и, закуривая папиросу, подумалъ:

«Одной маленькой спичкой одинаково легко закурить эту папиросу и поджечь фонтанъ».

При этой мысли тонкія губы его сжались въ подобіе какой-то мстительной улыбки. Онъ началъ быстро спускаться съ горы.

«Чертъ побери!.. Ясно, что она насмѣялась надо мной и выдала только частицу денегъ, чтобы я былъ у нея въ рукахъ... Мерзавка!»

Прямо противъ него разстилалось море, съ бѣлѣющимися кое-гдѣ парусами судовъ. На горизонтѣ, какъ-бы выплывая изъ воды, показалась луна, огромная, точно красное огненное колесо, отъ котораго исходили огненныя стрѣлы, бросающія на море красное зарево.

Остановившись около небольшого ресторана, Ивановъ подумалъ:

«Скверно, баба меня обошла, и потому, само собой разумѣется, надо выпить».

Когда, спустя нѣкоторое время, онъ вышелъ изъ ресторана, то лицо его горѣло яркимъ пурпуромъ. Онъ шелъ и пошатывался. Скоро очутившись около домика Джафарова Ивановъ сильно позвонилъ и, когда ему отворили, вошелъ въ маленькую гостиную.

На оттоманкѣ, надъ которой спускался красный коверъ, сидѣла молоденькая жена Джафарова. При видѣ гостя, она испуганно вздрогнула, поднялась съ мѣста и стала смотрѣть на него своими круглыми черными глазами, съ выраженіемъ испуга и изумленія. Тоненькая, гибкая, съ маленькимъ блѣднымъ лицомъ, она походила въ эту минуту на газель, испуганно стоящую на скалѣ.

— Вы не узнаете меня, къ сожалѣнію... Ручку вашу...

Хорошенькая хозяйка съ испуганнымъ видомъ протянула свою маленькую бѣлую ручку, и Ивановъ, нагнувшись, схватилъ ее своими руками и поцѣловалъ.

— Вы — сумасшедшій! Оставьте мою руку сейчасъ-же...

— Божественная ручка, маленькая и бѣленькая, — пріятно и цѣловать.

Однако, «божественная ручка» поднялась кверху и въ одинъ мигъ опустилась на плечо Иванова. Робкая газель превратилась въ дикую пантеру. Она стояла, нервно содрогаясь всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ.

Ивановъ тоненько захохоталъ.

— Вы — прекрасное существо, умѣющее высоко держать, такъ сказать, священное знамя брака. Вы — ангелъ. Вы думали, я разсержусь на васъ... Какъ-же — Ивановъ пьянъ, но не дуракъ. Вотъ вамъ нарочно: ангелъ... ангелъ. Какъ васъ повергнуть въ уныніе? Ей-Богу, жаль... Слушайте. Вы ждете мужа, а онъ въ эту минуту, глупецъ, въ объятіяхъ армянки... Что съ вами?..

— Я умираю, — послышался слабый голосокъ, и молодая женщина, какъ подкошенная, опустилась въ кресло. Глаза ея сдѣлались большими, грустными. Вдругъ нервно дрогнувшей рукой она сорвала со своей шеи жемчужное ожерелье и бросила на полъ. — Это — змѣя, окружившаяся вокругъ моей шеи, потому что когда онъ давалъ мнѣ его, то клялся, что любитъ меня. Я не повѣрила-бы вашимъ словамъ, вѣдь, я васъ не знаю, но я давно уже думаю, что онъ пересталъ меня любить и... измѣняетъ...

Голосокъ ея оборвался и на длинныхъ рѣсницахъ засверкали крупныя слезы.

Ивановъ смотрѣлъ на Джафарову съ жалостью.

— Да-съ, жаль мнѣ васъ. Вы—существо особенное, жемчужинка сіяющая, и оно еще лучше видно, что лобъ-то у вашего муженька мѣдный-съ. Какъ Геркулесъ у ногъ Омфалы, такъ вотъ и онъ, а она, коварная, то лобзаетъ его, то за волосы эдакъ... изорвала...

Ивановъ остановился, потому что изъ устъ лезгинки вырвался какой-то горькій, раздирающій вопль. Съ силою нервнаго существа она вскочила съ мѣста и начала быстро кружиться по комнатѣ, какъ раненый хищный звѣрь. Вдругъ она остановилась и, падая въ кресло, оплела свои длинные волосы вокругъ шеи и потянула ихъ.

— Я хочу умереть!

(Окончаніе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Ревнивецъ. (Къ рисунку на стр. 161.) Настоящій сынъ Марса никакъ не можетъ обойтись безъ дамскаго общества, ну, а гдѣ-же возьмешь дамское общество среди сопокъ Манчжуріи и въ раскинутыхъ у подошвы ихъ китайскихъ деревушкахъ? Вотъ и приходится отводить душу съ китайскими «бабушками». Для этого молодой человѣкъ даже китайскому языку научился; впрочемъ, немного, да много-то для такого разговора и не требуется знать, лишь: «носикъ, ушки, глазки, щечки-яблочки» повторить все это по-китайски съ улыбочкой «бабушкѣ» и куда какъ займешь ее. Невинный, кажется, разговоръ, а вотъ, поди-же, даже такимъ разговоромъ можно возбудить ревность... И у кого-же? у китайца. Не замѣчаетъ дамскій кавалеръ, что давно за нимъ слѣдитъ уже ревнивецъ, а замѣтилъ-бы, такъ даже своего «невиннаго разговора» испугался: долго-ли до грѣха?

Рыбачки въ ожиданіи родныхъ съ промысла. (Къ рис. на стр. 167.) Кому когда-нибудь приходилось ожидать возвращенія изъ далекаго и опаснаго путешествія своихъ близкихъ, тотъ пойметъ волненіе этихъ рыбачекъ, ожидающихъ на берегу моря возвращенія своихъ мужей и сыновей съ промысла. Нѣсколько дней тому назадъ выѣхали рыбаки въ даль грознаго, измѣнчиваго моря. Много разъ во время ихъ отсутствія сердца оставшихся на берегу рыбачекъ сжимались отъ страха и обливались кровью. За каждымъ облачкомъ, появляющимся на горизонтѣ, слѣдили онѣ, за каждымъ дуновеніемъ вѣтерка. Не разъ и крѣпчалъ вѣтеръ и поднималъ на морѣ страшные валы. Но вотъ, наконецъ, и срокъ возвращенія. Всѣ до одной рыбачки высыпали на берегъ и напрягаютъ всѣ силы своего зрѣнія: не покажется-ли вдали, тамъ гдѣ края небеснаго свода касаются моря, черныя точечки. А до этого болѣзненно сжимается грудь у ожидающихъ и въ виски стучитъ неотвязная, непрошенная мысль: «все-ли благополучно?!»

Боснійская кофейня въ Сераевѣ. (Къ рис. на стр. 169.) Босния, сѣверо-западная область европейской Турціи, образуетъ особый вилайетъ, подъ управленіемъ трехбунчужнаго паши; она состоитъ изъ старой Босніи, части Кроаціи (тур. Кроаціи), части Далмаціи (тур. Далмаціи) и Герцоговины—протяж. 1268 кв. м., 1,850,000 ж. Боснія повсюду изрѣзана отрогами Динарскихъ Альповъ, вершины коихъ достигаютъ до 7000 ф., орошается р. Савою, въ сѣверной ея части, съ притоками. Климатъ умѣренный и здоровый. Равнины производятъ въ изобиліи хлѣбъ, маисъ, коноплю, овощи, плоды и вино; скотоводство и пчеловодство процвѣтаютъ; горное дѣло могло-бы быть весьма прибыльнымъ. Торговля почти исключительно въ рукахъ грековъ, армянъ, нѣмцевъ и евреевъ. Промышленность ограничивается предметами внутренняго потребленія: оружіемъ всякаго рода, кожевенными и шерстяными издѣліями. Главная часть населенія составляютъ босняки, отрасль сербскаго племени славянъ; они большею частью магометане, между тѣмъ какъ христіанъ мало. Послѣ покоренія турками, всѣ представители высшаго сословія въ Босніи перешли въ исламъ, чтобы сохранить свои ленныя права. Эта аристократія, впрочемъ, строго оберегаетъ свою славянскую національность и языкъ и далеко не утратила своего прежняго христіанскаго характера. Боснякъ-магометанинъ имѣетъ одну тольк$_{0}$

жену и ни одной наложницы, замкнутость гарема не такъ строга, дѣвушки ходятъ свободно и безъ покрывалъ на лицѣ, вѣнчанье, свадьба и другія торжества напоминаютъ о своемъ христіанскомъ происхожденіи. Босна-Серай, или Сараево — главный городъ турецкаго вилайета Босніи, при впаденіи Миляцки въ р. Босну, съ 60.000 ж.; Сараево—главное мѣсто торговли Босніи, имѣетъ около 100 мечетей, фортъ и значительныя оружейныя фабрики. Какъ и все на Востокѣ, жизнь въ городѣ и устройство торговыхъ заведеній въ немъ очень своеобразны. На нашемъ рисункѣ изображена кофейня въ Сараевѣ. Это—не что иное, какъ непокрытый помостъ на склонѣ горы на окраинѣ города. На открытомъ воздухѣ на помостѣ, оставивъ обувь при входѣ, располагаются, сидя по-восточному, босняки и наслаждаются, кто — чашкой кофе, кто—игрою въ кости, кто—куреніемъ кальяна.

Великокняжескій посолъ Морозовъ у крымскаго хана Менгли-Гирея. (Къ рис. на стр. 175.) Крымскій ханъ Менгли-Гирей былъ вторымъ изъ династіи крымскихъ татарскихъ хановъ, происходившихъ отъ Тохтамыша. Основателемъ династіи былъ Гаджи-Гирей, умершій въ 1466 г.; сынъ и преемникъ его, Менгли-Гирей, былъ вѣрнымъ союзникомъ царя Іоанна III, но при сынѣ его, Василіи, сдѣлался врагомъ Россіи и тѣмъ какъ-бы далъ поводъ всѣмъ крымскимъ ханамъ считать своею обязанностью нападать на Россію. Не сразу, однако, замѣтили вѣроломство Менгли-Гирея въ Москвѣ. Крымскіе разбойники начали нападать на московскіе предѣлы; однако, великій князь Василій Іоанновичъ питалъ надежду, что, можетъ быть, ханъ и не участвовалъ въ этихъ разбойничьихъ набѣгахъ, и нетерпѣливо ждалъ вѣстей изъ Тавриды, но все-таки отъ князя не могло укрыться, что усердіе Менгли-Гирея къ Россіи явно охладѣло. Въ Тавридѣ былъ задержанъ болѣе чѣмъ на годъ русскій посолъ Заболоцкій, и, не отпустивъ его, Менгли-Гирей прислалъ гонца въ Москву съ требованіемъ, чтобы пасынокъ ханскій, сверженный князь казанскій Абдылъ-Летифъ, былъ отпущенъ въ Тавриду. Великій князь, однако, не согласился на это, но, тѣмъ не менѣе, возратилъ Летифу свободу и милость, дозволилъ быть во дворцѣ и обѣщалъ Каширу въ помѣстье. Въ это самое время Василій велъ мирные переговоры съ литовскимъ королемъ Сигизмундомъ и слухъ объ этихъ переговорахъ понудилъ, наконецъ, Менгли-Гирея утвердить дружбу съ нами. По словамъ историка, Менгли-Гирей немедленно отпустилъ тогда Заболоцкаго и прислалъ трехъ вельможъ въ Москву съ Шертною золотою грамотою: далъ клятву за себя, за дѣтей и внучатъ жить въ братствѣ съ великимъ княземъ, вмѣстѣ воевать и мириться съ Литвою и съ татарами; унимать, казнить своихъ разбойниковъ, покровительствовать нашимъ купцамъ и путешественникамъ, — однимъ словомъ, исполнять всѣ обязанности тѣсной взаимной дружбы, какъ было въ Іоанново время.

«Государь приказалъ встрѣтить пословъ съ великою честію, звать во дворецъ къ обѣду и клалъ на нихъ руки въ знакъ благоволенія. Они представили ему 16 грамотъ отъ хана, писанныхъ весьма ласково. Менгли-Гирей убѣждалъ Василія послать судовую рать съ пушками для усмиренія Астрахани, обѣщалъ всѣми силами дѣйствовать противъ Сигизмунда и помогать Михаилу Глинскому, коего называлъ любезнымъ сыномъ; просилъ ловчихъ птицъ, соболей, рыбьихъ зубовъ, латъ и серебряной чары въ два ведра; требовалъ какой-то дани, платимой ему князьями Одоевскими; а всего болѣе желалъ, чтобы государь позволилъ Абдылъ-Летифу ѣхать въ Тавриду для свиданія съ матерью. Сіе послѣднее казалось Василію столь важнымъ, что онъ собралъ думу боярскую и хотѣлъ знать ея мнѣніе. Приговорили не отпускать Летифа. Государь велѣлъ ему самому явиться въ думу и говорилъ такъ: «Царь Абдылъ-Летифъ! ты вѣдаешь, что отецъ мой лишилъ тебя свободы за вину не малую. Въ угодность нашему брату, Менгли-Гирею, забывъ твое преступленіе, я милостиво дарю тебѣ вольность и городъ. Выслушай условія». Они состояли въ томъ, чтобы Летифъ клятвенно обязался вѣрно служить Россіи, не выѣзжать самовольно изъ ея предѣловъ, не имѣть сношеній съ Литвою, ни съ другими нашими врагами и чтобы менгли-гиреевы послы утвердили сей договоръ собственною ихъ присягою. Летифъ винился, благодарилъ, считалъ себя недостойнымъ видѣть лицо государево, клялся не угнетать христіанъ, не ругаться надъ святынею, доносить великому князю о всякихъ злодѣйскихъ умыслахъ противъ него или государства. Вмѣсто Каширы, прежде обѣщанной, ему дали Юрьевъ. Достойно замѣчанія, что и самъ великій князь присягнулъ въ доброжелательствѣ къ Летифу, такъ-же какъ и въ вѣрности къ Менгли-Гирею, исполняя требованіе пословъ крымскихъ и совѣтъ бояръ. Намѣстникъ перевицкій, Морозовъ, былъ отправленъ въ Тавриду изъявить благодарность за дружбу хана, увѣрить его въ нашей, извѣстить о заключенномъ съ Литвою мирѣ и сказать наединѣ, что долгое молчаніе менгли-гиреево безпокоило государя; что носился даже слухъ о присоединеніи ханскихъ сыновей къ сигизмундовой рати; что сіе обстоятельство ускорило для насъ миръ, но что великій князь остается другомъ Менгли-Гирея и не боится новой справедливой войны съ ихъ общимъ естественнымъ недругомъ.

«Сей посолъ имѣлъ непріятность въ Тавридѣ отъ своевольства и корыстолюбія ханскихъ вельможъ. Государь именно велѣлъ Морозову наблюдать свое достоинство и не терпѣть ни малѣйшаго для насъ униженія въ обрядахъ посольскихъ: ибо крымскіе мурзы любили величаться предъ россіянами, вспоминая старину. «Я сошелъ съ коня близъ дворца, — пишетъ Морозовъ къ великому князю: — у воротъ сидѣли князья ханскіе, и всѣ, какъ должно, привѣтствовали посла твоего, кромѣ мурзы Кудояра, дерзнувшаго назвать меня холопомъ. Толмачъ не смѣлъ перевести сихъ грубыхъ словъ; а мурза въ бѣшенствѣ хотѣлъ зарѣзать его, и силою выхватилъ шубу изъ рукъ моего подъячаго, который несъ дары. Въ дверяхъ ясаулы преградили мнѣ путь, бросивъ на землю жезлы свои, и требовали пошлины: я ступилъ на жезлы и вошелъ къ царю. Онъ и царевичи встрѣтили меня ласково; пили изъ чаши и подали мнѣ остатокъ. Я также поднесъ чашу имъ всѣмъ князьямъ, но обошелъ Кудояра и сказалъ хану: «Царь, вольный человѣкъ! сей мурза невѣжливъ: суди насъ... Называюсь холопомъ твоимъ и государя моего, но не кудояровымъ. Говорю съ нимъ предъ тобою съ очи на очи: какъ онъ дерзнулъ грубить послу и силою брать, что мы несли къ тебѣ?». Менгли-Гирей, выслушавъ, извинялъ мурзу; но, отпустивъ меня, бранилъ его и выгналъ». Морозовъ не согласился вручить хану ни своего посольскаго наказа, ни описи присланныхъ съ нимъ даровъ, отвѣтствуя гордо вельможамъ царскимъ: «Рѣчи великаго князя вписаны у меня только въ сердцѣ, а дары его вамъ доставлены: болѣе ничего не требуйте». Одинъ изъ сыновей ханскихъ, жалуясь на скупость Василіеву, грозилъ Морозову цѣпями. «Цѣпей твоихъ не опасаюсь, — сказалъ посолъ:—боюсь единственно Бога, великаго князя и царя, вольнаго человѣка... Если оскорбите меня, то государь уже никогда не будетъ присылать къ вамъ людей знатныхъ». Однако-жъ, несмотря на слабость отягченнаго лѣтами Менгли-Гирея, коему сыновья и вельможи худо повиновались, нашъ союзъ съ Тавридою остался до времени въ своей силѣ».

Пріемъ Менгли-Гиреемъ посла царя Василія Морозова и изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Неудачная попытка. (Къ рис. стр. 177.) Весело провелъ Остапъ время въ городѣ, такъ весело, что не помнитъ, какъ и въ сани сѣлъ, сѣлъ, хлестнулъ свою тройку и отправился въ путь-дорогу въ свою деревню. Весело бѣжали лошадки, чуя, что онѣ везутъ своего хозяина домой, что зададутъ тамъ имъ корма и онѣ отдохнутъ, — отдохнутъ вволю. Лошади бѣжали, а Остапъ спокойно спалъ въ саняхъ, просыпаясь лишь на ухабахъ. Но вотъ тройка замедлила ходъ и привыкшій къ тряскѣ Остапъ открылъ глаза. Ба, да вотъ и его хата, и Оксана стоитъ и ждетъ своего благовѣрнаго. Не захотѣлось Остапу показать, что онъ погулялъ въ городѣ, привсталъ онъ въ саняхъ и, размахнувшись кнутомъ, хлестнулъ свою тройку, желая лихо подкатить къ своей хатѣ, но попытка вышла неудачная: лошади рванулись, и Остапъ, на глазахъ Оксаны, кубаремъ вывалился изъ саней. Силится бѣдняга подняться и не можетъ, а суровая Оксана съ усмѣшкой смотритъ на него, прекрасно понимая неудачную попытку своего мужа показать, что хотя онъ въ городѣ былъ, но не загулялся.

Великій подвигъ. (Къ рис. на стр. 185.) Въ чужомъ краю, между угрюмыхъ, непривѣтливыхъ горъ, подъ громъ орудійной пальбы, подъ градомъ рвущихся кругомъ снарядовъ совершается святой великій подвигъ русскою женщиной. Она забыла о далекой родинѣ, объ оставленныхъ тамъ близкихъ и живетъ только одною мыслью; презирая собственную жизнь, облегчить страданія заброшенныхъ войною на чужбину раненыхъ воиновъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ трогательную сцену. Сестра милосердія на мѣстѣ самаго боя разыскиваетъ, кому можно оказать помощь. Вотъ она нашла раненаго, заползшаго подъ прикрытіе пригорка. Она даетъ ему пить, перевязываетъ его раны, хочетъ сходить и позвать санитаровъ, чтобы перенесли раненаго на санитарный пунктъ, но онъ, собравъ послѣднія силы, приподнимается и умоляетъ сестру не безпокоиться о немъ: «Мнѣ уже не жить, сестрица, все равно; я чувствую это... и если вы хотите сдѣлать добро мнѣ, то вотъ когда-нибудь, если Богъ судитъ вамъ вернуться въ Россію, передайте это моимъ женѣ и дѣткамъ, тутъ найдете записочку,—гдѣ они и кто они». И съ этими словами умирающій снялъ со своей груди мѣшочекъ, въ которомъ были образокъ, письма жены и нѣсколько рублей, присланныхъ ему женою и которые онъ не успѣлъ израсходовать. «Вы ей передадите, сестрица, и напишете, что я честно исполнилъ свой долгъ предъ отечествомъ»,—заключилъ страдалецъ.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

ЧРЕЗМѢРНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ГАЗОВЪ и КИСЛОТЫ

запоръ, чувство тяжести и прочія неправильности пищеваренія устраняются

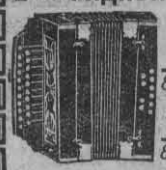
ФЛАТУЛИНОВЫМИ ПИЛЮЛЯМИ Д-РА РООСА,

Рекомендуются медицинскими авторитетами ✻ Имѣются въ аптекахъ по 75 коп. за коробку.
у ШТОЛЛЬ и ШМИДТЪ, у Русскаго О-ва Торговли Аптекарскими товарами и во многихъ аптекахъ и аптекарск. магазинахъ.

ГАРМОНІИ ВѢНСКІЯ

СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
УГЛЫ, МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ

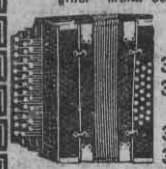
2 хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 б. 12 б.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
16 р. 20 р. 24 р.
8 б. 10 б. 12 б.
и дороже.

Самоучитель 1 р.

ВѢНСКІЯ 3-хъ РЯДНЫЯ
СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
углы мѣха обиты металломъ



ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
31 клап. 12 бас. 26 р.
36 клап. 12 бас. 30 р.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
31 клап. 12 бас 35 р.
31 клап. 18 бас. 42 р.
36 клап. 12 бас. 42 р. 36 клап. 18 бас 50 р. 36 клап. 24 бас. 65 р.

Самоучитель 1 руб.

РОЯЛЬНЫЯ
съ мѣдными планками
ОДНОРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 12 р. 13½ р. 15 р.

СТАЛЬНЫЯ ГОЛОСА
17 р. 20 р. 23 р. 28 р.
ДВУХРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
20 руб.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА 30 РУБ.
по полученіи задатка ⅓ стоимости высылаю съ наложен. платежемъ.

И. А. НОВИКОВЪ,

МОСКВА, СРѢТЕНКА
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛ. ИНСТРУМЕНТОВЪ
прейсъ-курантъ безплатно.

Важно для дамъ и мужчинъ.
Попробуйте и убѣдитесь

КРЕМЪ „ОТЕРО“

провизора С. Кримкера.

Послѣ долголѣтнихъ опытовъ мнѣ удалось составить совершенно безвредное и вѣрное средство противъ загара, прыщей, веснушекъ, сухихъ и мокрыхъ лишаевъ, шелушенія кожи и прочихъ нечистотъ лица, рукъ и шеи. Большинство кремовъ и помадъ для лица, рукъ и шеи содержатъ цинкъ, бѣлила и пр. вредныя вещества, отъ каковыхъ кожа лица послѣ употребленія дѣлается желтой и вяло-старческой. Настоящій же кремъ „Отеро“ дѣлаетъ лицо нѣжнымъ, бѣлымъ и придаетъ ему натурально-юношескую свѣжесть и нѣжность безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, чѣмъ превосходитъ своимъ качествомъ всѣ до сихъ поръ изобрѣтенныя средства. Банка 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к., 2 банки съ перес. 3 р. Главный складъ для Россіи; С.-Петербургъ, С. Кримкеръ, Ковенскій 30.

ДЛЯ МУЖЧИНЪ и ДАМЪ

иллюстр. прейсъ-курантъ парижск. резин. новост., съ объяснен., высыл. за 7-ми коп. марку, въ закр. конв., Э. ЛИПШИЦЪ, Варшава, 2-ая конт.
649

Требуйте ТОНАРМЫ.

Новѣйшей конструкціи.

Съ вращающимися кругомъ своей оси рупорами.

№ 102. Гладкій подъ орѣхъ корпусъ, 6 в. въ квадр., съ прочнымъ механизмомъ и боков. завод. Концертная мембрана лучш. сист. Цѣна безъ пьесъ . . . . **Руб. 35.**
№ 104. Общедоступный семейный аппаратъ, солидн. конструкц., съ продолжит. боков. завод. и лучшей концертн. мембраной. Корпусъ дубовый, 77 верш. въ квадр., нотн. дискъ для грандъ пл.; никкелир. рупоръ, дл. 12 вер. Цѣна. . . . . **Руб. 45.**
№ 110. Тонармъ-Гигантъ, очень изящн. аппаратъ, играющій однимъ заводомъ отъ 5 - 6 грандъ пл. Корпусъ 9½ вершк. въ квадратѣ, фурниров. краснымъ деревомъ и украш. никкелиров. орнаментами. Длина рупора 15½ вершк., нотный дискъ размѣр. д. гигантъ пл. Концертн. мембр. наилучшая. Цѣна безъ пьесъ . . **Руб. 80.**
№ 112. Такой-же конструкціи, какъ № 110, только корпусъ дубоваго дерева, красивой рѣзной работы. Цѣна безъ пьесъ . . **Руб. 80.**
Пластинки послѣдней безшумной записи въ громадн. выборѣ отъ 75 к. и дороже. Списки пьесъ и иллюстрированный каталогъ **№ 4— безплатно.** 126

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ. МОСКВА, ПЕТРОВКА.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ А. СІУ и К°.

ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО *Молодости*
МОСКВА. *20 коп. кус.*

скрипки. ✻ гитары. ✻ мандолины. ✻ домры.
органы ✻ граммофоны ✻
цитры. ✻ корнеты ✻ кларнеты. ✻ флейты ✻ гармоніи

СКЛАДЪ и ФАБРИКА

ПЕТРА РОЗМЫСЛОВА СЪ С-МИ

С.-Петербургъ, Садовая, № 38.
Продажа оптомъ и въ розницу всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ лучшаго качества. Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ высылаю безплатно. 213

ЛУЧШАГО КАЧЕСТВА ПО ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.

СКРИПКИ

Для учениковъ:
6, 8, 10, 15 и 20 руб.
Для артистовъ:
25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже до 1000 руб.
Народныя 2, 3 и 4 руб.
Смычки
отъ 50 коп. до 60 руб.

МАНДОЛИНЫ

Лучшихъ итальянскихъ мастеровъ отличнаго тона 22, 30, 50, 75, 100 р.
Дешевые сорта:
нѣмецкія 4 и 6 руб., итальянскія 8, 12 и 15 руб.

ГИТАРЫ

съ механизмомъ для струнъ 5, 6, 7 и 10 руб. лучшія (любительскія въ большомъ спросѣ) 15 и 20 руб. очень хорошаго качества 25, 30, 40, 50, 75 руб. и дороже.
дешевые сорта 3 и 4 руб.

БАЛАЛАЙКИ

Для любителей и оркестровъ съ металлическими колками: 5, 6, 7, 10, 12, 15, 20 руб. и дороже.
Народныя 1½, 2, 3 и 4 р.
Домры на разныя цѣны.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. ◆ Москва, Кузнецкій мостъ.

ПЕРЕС. НАЛОЖ. ПЛАТ.
БАНКА 1р. 90к.
УГРИН
ОТЪ ПРЫЩЕЙ И УГРЕЙ
Кожа лица и рукъ дѣлается скоро бѣлой, нѣжной и мягкой
С. ПЕТЕРБУРГЪ КАРАВАННАЯ 16 кв 9

Вниманію гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го: безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой.

БЕЗПЛАТНО высылается брошюра: ЛѢЧЕНІЕ ЗАИКАНІЯ

К. Ю. ЭРНСТА. Москва. Б. Никитская № 11.
Руководство къ самообученію 2 р. 50 к.

№ 4711
Captol
„КАПТОЛЬ“
ЛУЧШАЯ ВОДА ДЛЯ ВОЛОСЪ,
ДЛЯ ОЧИЩЕНІЯ, ОСВѢЖЕНІЯ, УКРѢПЛЕНІЯ ГОЛОВНОЙ КОЖИ, ОЖИВЛЕНІЯ НЕРВОВЪ.
ОСОБЕННО ПРОТИВЪ ГОЛОВНОЙ ПЕРХОТИ И СОПРЯЖЕННОЙ СЪ НЕЮ ЧЕСОТЫ И ВЫПАДЕНІЯ ВОЛОСЪ.
ПРИГОТОВЛЕНА ПО УКАЗ.
Д-ра мед. І. ЗИХГОФФЪ въ ЭЛЬБЕРФЕЛЬДѢ
„КАПТОЛЬ“ НЕ СОСТАВЛЯЕТЪ СЕКРЕТНАГО СРЕДСТВА.
ЕДИНСТВЕННЫЙ ФАБРИКАНТЪ
ФЕРД. МЮЛЬГЕНСЪ, КЕЛЬНЪ и РИГА.
ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

УТВ. ФАБР. МАРКА.

Сенсаціонная новость!

АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ
ИДЕАЛЬНО-БѢЛЫЯ РУКИ
кто желаетъ имѣть, вмѣсто красныхъ и порщинистыхъ, пусть употребляетъ настоящее, безвредное
БРАЗИЛЬСКОЕ МЫЛО ДА-КОСТА
ВЪ ВИДѢ БѢЛОСНѢЖНАГО ДУШИСТАГО КРЕМА
Savon Brésilien da-Costa
Rio-de-Janeiro.—Paris.—Londres.
МГНОВЕННО дѣлаетъ руки чистыми, мягкими и бархатистыми. Употребляется многими врачами.
Неподдѣльныя коробки снабжены маркой «Звѣзда», какъ на рисункѣ, и заклеены бандеролью съ подписью единственнаго представителя для всей Россіи. Продается вездѣ. Торговцамъ скидка.
Коробка 75 к.—Съ перес. въ Европ. Россію 1 кор. 1 р. 10 к. 3 кор. 2 р. 85 к.; 6 кор. 5 р. 10 к.—Русскія описанія безплатно.
ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗЪ ГЛАВНАГО СКЛАДА
Центральная Парфюмерія БОРЕЛЬ.
С.-Петербургъ Владимірская, 3.